

Город

Вероника
МЕЛАН

Из серии романов "Город"

Annotation

Инига Снежна считает нормальным работать в Городе, разделенном на сексуальные зоны, — Логан Эвертон испытывает отвращение ко всем, кто приезжает туда за телесными утехами. Она не стыдится работать с голой грудью — его подобная распушенность заставляет негодовать. Она верит, что вокруг нее нет разврата, — лишь свобода быть собой. Он презирает всех, кто думает гениталиями вместо головы. Она — официантка. Он — программист. Они встретятся там, где она свободна и весела, а он холоден и полон презрения. Вместе они — идеальная пара. Однако на пути к счастью их ждут сложные преграды в виде понятий «хорошо» и «плохо», которые, оказывается, вовсе не так однозначны

Вероника Мелан

Город «Х»

Глава 1

«Подруга — это такое существо, которое всегда отыщет для тебя в сумочке резинку для волос, поделится трениками, не даст поест, потому что «мы опаздываем на вечеринку», и никогда не позволит тебе превратиться душой в засохшую коросту ...»

— Ты не поверишь, что я нашла!

Вечер. Рада впорхнула в комнату со стылого балкона вместе с газетой и запахом табачного дыма. Незатушенная сигарета все еще тлела между ее ярко-розовыми ногтями — такими длинными и острыми, что люди всегда изумлялась — как с такими можно управляться? Рада управлялась. Человек привыкает ко всему — к отсутствию руки или ноги, к хромоте, к отражению прыщавой физиономии в зеркале, — вот и подруга привыкла к накладным ногтям. Курила, готовила, писала с этими «тяпками-вилами» и делала все крайне виртуозно.

— Нежка?

Тишина. Это она ко мне.

— Нежка? Ты меня слышишь?

Я не Нежка. Я — Инига Снежна, но для Радки мое имя — повод в очередной раз попрактиковаться в остроумии.

— Ты меня слушаешь?

Я слушала ее, не оборачиваясь, всецело занятая вечерним ритуалом — просматривала страницы сайта знакомств «Орфей» в разделе «мужские анкеты» за сегодня — искала обладателя темной шевелюры и синих глаз. Привычно искала и привычно не находила. Нет, я искала не любого обладателя темной шевелюры и синих глаз, но конкретного — того, кого однажды увидела на экране в будке «Вторая половина» и чье фото успела сфотографировать на телефон. И которое пропало тогда, когда неделю спустя мой телефон разбился, вынырнув из кармана прямо на асфальт. Случается и такое.

— Нежка! Наша жизнь собирается совершить альтернативный поворот!

— Альтернативный, — проворчала я, — это когда она собиралась совершить один, а совершает другой. А наша жизнь, насколько мне известно, вообще не собиралась совершать никаких поворотов. По крайней мере, с утра.

— Это с утра, — Рада продолжала дымить прямо в комнате. — И вообще, не придирайся к словам. Наша жизнь однозначно собирается совершить поворот. Радикальный. Так правильно?

Она любила заковыристые слова, вот только использовала их не всегда к месту.

— Так правильно. С чего вдруг?

— А с того! — распахнулись створки газеты. — Посмотри, что я нашла, — объявление: «Требуются разносчицы напитков на полную ставку. Униформа, жилье, питание, проживание обеспечиваются заказчиком. Оплата гарантируется в срок...»

— Пока я не слышу ничего сногсшибательного. Менять работу администратора на работу официанта — какой смысл?

— Не официанта, а разносчицы напитков.

Я поморщилась.

— Не смоли в комнате, а?

В пепельнице, куда предварительно плеснули воду, зашипел окурок.

— Ты сейчас сама закуришь, я тебе гарантирую. Слушай: «Оплата: триста долларов».

Мне хотелось надеть на Радку кляп — ну, какой смысл плясать от восторга за «триста долларов», когда мы получали каждая по семьсот пятьдесят? И это, между прочим, очень даже неплохая зарплата. Мы работали администраторами в общественной бане: встречали клиентов, выдавали им ключи от номеров, следили за тем, чтобы душевые и бассейны содержались в чистоте, чтобы в срок уходили и приходили технички, заботились о том, чтобы у посетителей были свежие простыни, горячий пар в саунах и холодная выпивка на столах. Непыльная и приятная работенка. Чем-то похожая на тех разносчиц, только спокойнее и престижнее. И, опять же, зарплата...

— Триста в день!

Я временно забыла о фотографиях на экране — брошенные мной блондины, брюнеты и рыжие созерцали с монитора мой вытянувшийся от удивления профиль.

— В день?!

— А я тебе о чем, дурында?

— Это куда такие дорогооплачиваемые разносчицы требуются-то?

— В «Город «Х».

Гробовая тишина во время которой моя челюсть беззвучно отвисла до груди.

— Не-не-не, туда я работать не пойду. Ни за что и никогда!

Совершенно уверенная в своем решении, я качала головой, а Радка смотрела на мою защитную позу и хитро улыбалась.

Город «Х» — мистический город. Город секса, разврата и пороков. Город отсутствия страха и стыда, город, куда можно было попасть с любого уровня. Наркотик. Аэропорт Нордейла выпускал в его сторону по четыре самолета в день. В день! Ни одна другая точка на карте не являлась столь востребованной, как эта. Об этом запретном месте много говорили, но больше молчали и загадочно ухмылялись. Блестели лаковыми от удовольствия глазами и заговорщицки терли усы, смущенно теребили бороды, прятали между коленями руки и на все вопросы бросали короткое «туда надо самому».

Пять минут спустя мы действительно курили с ней на балконе вместе.

Промозглый март, оттаивающий днем, замерзал ледяными корками к вечеру, смотрел на дороги просевшими боками потемневших сугробов, радовал прохожих редкими кусками оголившегося асфальта. В шкафу ждали своего часа весенние сапожки с каблуками.

— Ты сама подумай, — не унималась Радка, — если будем рубить по три сотни в день, знаешь, как быстро мы заработаем на что угодно? На тачку или на поездку по всему уровню? Махнем в теплые края, на острова, поваляемся на белоснежном песке в Альведо — ты же всегда хотела?

Хотела, да. Но с комментариями не торопилась.

— Что мы теряем? Баню, где ходят мужики, завернутые в простыни? Там тоже будет куча мужиков, но уже без простыней.

— По улицам, что ли?

— Да откуда я знаю. Хоть бы и по улицам!

— Знаешь, я не хочу быть путаной, даже за три...

— Да никто не предлагает тебе быть путаной. Видела дополнительный текст в

объявлении? Для обслуживающего персонала предусмотрены все нужды, в том числе защита безопасности и чести. Знаешь, что это значит? Что «не хочешь — не %бись»!

Она умела зарядить «не в бровь, а в глаз» — что есть, то есть.

— Думаешь, можно отказаться?

— Уверена. Если бы было нельзя, я бы даже не посмотрела в ту сторону. А так три сотни, И! — когда ей было лень выговаривать «Нежка», она звала меня просто «И». Коротко и понятно. — Триста в день! Знаешь, за сколько мы накопим на тур на Альведо? Хочешь, посчитаем?

Из кармана старенького пальто показался на свет сотовый в поцарапанном золотистом чехле, на экране высветился калькулятор:

— Вот смотри. Полгода работы... Если по семь дней в неделю...

— А как же выходные?

— Ладно, по шесть. Черт с тобой, даже по пять! Получается, примерно двадцать два рабочих дня в месяц, это... — сложные расчеты сопровождались нахмуренными бровями и прикушенными губами с розовой помадой (я бы не удивилась, узнав, что Рада обновляет блеск для губ даже во сне). Спустя несколько секунд вычисления завершились победным изречением: — Тридцать девять тысяч шестьсот баксов за полгода! За полгода, И!

Звучало, честно сказать, удивительно. Почти величественно.

— Только мы ничего об этом месте не знаем.

— Ну, так узнаем.

— Думаешь, нет подвоха?

— Не думаю... Нет, не верю в подвох, — качались по плечам наращенные Радкины светлые локоны. — Просто такой город, там такое бабло крутится. Знаешь, ведь раньше я не видела их объявлений, а я каждый день газету читаю. Значит, редкие.

Устав стоять, я опустила на один из двух старых скрипучих стульев, стоящих на балконе именно за этим — за отдыхом. Только отдыхали мы на них преимущественно в теплое время года, а не такое промозглое, как сейчас — не в начале марта, когда на город напозла синька, а температура облизала отметку ноль и спустилась ниже.

Она была права — изменение, которое стучалось к нам в жизнь и впрямь выглядело радикальным. Гавкал во дворе чей-то пес, ждали теплых дней голые тополя, затянулись ледяной коркой лужи.

Уехать? Можно и уехать. Мы обе свободны. Вот только, как быть с моим поиском?

— Ты опять думаешь про своего «принца»?

Она читала мои мысли. Да, про «принца». Которого я однажды увидела и которого так и не смогла забыть. Нет, я никогда не встречала его в реальности, но верила, что сооруженная Комиссией будка не соврала — где-то на этом свете существовала моя истинная вторая половина, и я не теряла надежды ее отыскать. Каждую неделю на футбольный матч или хоккей, каждую пятницу в бильярдный зал, каждое воскресенье в зланный мужской паб — каждый раз с новым названием... Моего безымянного незнакомца я искала везде, где могла, — тщетно. Но я помнила его лицо. Уже не так четко, как тогда, когда заветное фото хранилось в памяти телефона, — размыто и примерно, но все же помнила.

— Ты сможешь искать его и там...

Взлетела с голой ветки птица, отправилась искать не то ночлег, не то ужин.

— Среди тех, кто приехал трахаться?

— Именно. Ведь он пока тебя не знает, так? И никто не запрещает ему трахаться. Если

он нормальный здоровый мужик, то...

— Ладно, я тебя поняла.

Подруга была права, и мне пришлось с этим согласиться.

— Тем более, в Город «Х» приезжают со всех уровней. Со ВСЕХ. И это значит, что шансов на встречу даже больше. Что, если твой суженый живет не на четырнадцатом?

Крыть было нечем.

— И вообще, что мы теряем? Дурацкую работу, на которой, если мы подадим заявление за две недели, нам выплатят по две сотни? Да лучше завтра напишем заявление об уходе и через день начнем рубить большие бабки. Билет на самолет и фью-и-ить! Нежка, поехали! Мы молодые, красивые, независимые — давай праздновать жизнь сейчас? А там каждый день праздник!

Радка. В ее заднице горел факел приключений. Ей бы все праздник, ей бы развлекаться, ей бы... На самом деле Радослава Мирна была гораздо серьезней и глубже, чем казалась на первый взгляд. Увидит ее незнакомый человек, окинет беглым взглядом и вынесет вердикт — пустозвонка. И окажется неправ. Своим напускным бесстрашием и показной безбашенностью Радка прикрывала довольно нежную и ранимую натуру, обожающую и помечтать, и погрузиться. Рада была, как карамелька, — глянцевая снаружи, но мягкая и тягучая изнутри. А еще она была человечной, заботливой, разной — иногда внимательной и терпеливой, иногда излишне восторженной, а после раздраженной, иногда разочарованной, а иногда хохочущей так весело и громко, что слышали не только соседи, но и вся улица. Радка была Радкой, то есть собой.

И... она была права. Мы действительно молодые, красивые и независимые. Что мы теряем — приключения? А не их ли тогда, когда наступает оседлый и скучный период жизни, мы силится вспомнить?

Кажется, радикальное изменение нашей жизни все-таки грозило.

* * *

На бесконечно широкой бетонной «парковке», проходящей вдоль летного поля, почти касаясь друг друга крыльями, стояли белоснежные самолеты с лазурными хвостами; панорамные стекла аэропорта отражали лица готовых вскоре взмыть вверх пассажиров.

В небе сияло солнце; из динамиков лился женский голос-робот, объявляя о взлетах и посадках. В моих пальцах две продолговатые картонные полоски с нашими именами — посадочные талоны.

Не верилось — мы это сделали. С момента разговора на балконе минул всего день, а мы успели так много: постоять перед бывшим шефом, орущим, что мы две «неблагодарные жучки», с виноватыми лицами, получить расчет, поохотать во время сборов чемоданов, выстроить тысячу предположений о том, что же такое Город «Х», какая там погода и что же, собственно, нас там ждет.

Интернет не дал ответа ни на один вопрос. Ни на: где находится? Долго ли лететь? Климат? Количество туристов? Примерные цены? Наличие моря?

Ни. Че. Го.

Мистика и загадка. И мы — две совершенно сумасшедшие дурочки — все еще желали попасть на рейс «Х-376».

«Интриганки» — так охарактеризовала нас Радка. Она, конечно же, имела в виду «авантюристки», но, как всегда, забыла верное слово.

А удивительное началось уже здесь, стоило пройти регистрацию, — оказалось, что для пассажиров, летящих в сторону «Икса», предусмотрен отдельный вход на «контроль безопасности», отдельный гейт выхода на посадку и даже... отдельное крыло. Как для больных гриппом, чесслово. Или для шизофреников.

Не про шизофреников, но про людей со странностями я подумала тогда, когда увидела, что в зале ожидания, огороженном от остальной части аэропорта зеркальными стенами, на большинстве людей надеты маски — да-да, маски. Эдакие ленты на лице с прорезями для глаз и доходящие до самых губ — на мужчинах синие, на женщинах бордовые.

Маскарад, блин.

— Слушай, а на нас масок нет, — шепнула мне в ухо Радка.

— Угу, — так же тихо отозвалась я, — это значит, что мы, как бл%ди, которые всем своим видом показывают: «мы поехали е@аться, и никого не стесняемся».

И мы одновременно подавились хохотом.

А нас, между прочим, рассматривали, можно сказать «щупали» глазами за все выступающие конечности — и мужчины, и женщины. Тут все друг друга щупали, краснели, отворачивались, делали вид, что не щупают, и снова щупали. На меня, похоже, залипло сразу двое — высокий брюнет в маске с надписью «Я иду, крошка!» и тощий старикан с редкими седыми усами — без маски. Эти двое уже всем видом выказывали «А я с тобой не против...»

Я возмущенно втягивала воздух и отворачивалась к окну — не объяснять же каждому, что мы едем работать?

А вот в самолете, похоже, придется отбиваться.

Радка надо мной смеялась; когда объявили посадку, за стойку сканирования билетов встал рослый и плечистый блондин. Отрывая «корешок» от посадочника, он неизменно и фривольно подмигивал каждому, переступающему черту «Нордейд — Город «Х»».

Самолет.

Место 11А и 11В. Оказавшись у окна с открытой иллюминаторной шторкой, я выдохнула с облегчением:

— Слушай, хоть в полете подкатывать не будут!

— Ну, если будут, я уступлю им место.

— Только не этому седому, — ужаснулась я.

— Ладно, только брюнету.

— На тебя, между прочим, тоже смотрели с вожделением. Причем две женщины, а это куда страшнее самого страшного мужика.

— Ну, не скажи. В любом случае, отбиваться нам придется обеим... Интересно, долго лететь?

— Наверное, скоро объявят.

Устроившись в салоне воздушного судна (забитого пассажирами до отказа), мы надеялись на несколько вещей: на то, что нас накормят обедом или хотя бы закусками, на наличие в спинках сидений видеопроигрывателей, на широкие кресла, позволяющие откидываться назад без стеснения, и на то, что лететь придется не очень долго — например, не десять часов подряд.

Пока повезло только со спинками кресел — уж они откидывались так хорошо, что

превращались в кровать-плацдарм.

— Во всем есть великий смысл! — заговорщицки ухмыльнулась Радка, имея в виду, что, возможно, начинать заниматься непристойностями можно уже в самолете, и я недобро пихнула ее в бок локтем.

— А чего такого? Расставила ноги и залазь, кто хочет.

Ей бы только пошутить, да на амурные темы. Меня вот интересовало другое:

— Думаешь, мы увидим, над какими местами пролетаем?

— Сомневаюсь. Горы из облаков ты увидишь, и все.

— Ну, хоть направление бы определить...

— Зачем тебе? Потом автостопом туда поедешь?

— Да ну тебя...

Прозвучал мягкий звуковой сигнал, оповестивший о том, что посадка завершена, двери заблокированы, а стюардессы готовы демонстрировать работу спасательного оборудования.

— Если рухнем, то погибнет триста сексо-шизиков, — пошутила я.

— И не надейся, — подруга деловито щелкнула ремнем и принялась ворошить карман впереди стоящего кресла; одновременно зашумели мелкие носики потолочных кондиционеров. — Слушай, почему ни одного журнала? Ну, хоть какой-нибудь, блин... Хоть бы самый тощий? Про моду бы я полистала...

Ответ на вопрос «почему» мы получили тогда, когда шасси оторвались от взлетной полосы и наш лайнер, покачнувшись на воздушных потоках, взмыл к бескрайним синим просторам.

— Уважаемые пассажиры борта номер «Х-367», отправляющиеся в Город «Х». Полетное время объявляться не будет, равно как и высота, — по предписанию Комиссии эти данные остаются засекреченными. Так же на нашем борту не предлагается ни еда, ни прохладительные напитки...

— Вот жмоты, — буркнули сзади.

— ...ввиду того, что через пять минут внутреннее освещение будет потушено, а в салоне распылен сонный газ, который сделает ваше путешествие быстрым и приятным. Не забудьте привести спинки кресел в удобное для вас положение и не отстегивайте ремни безопасности.

— Газ?

Моя челюсть брякнулась на колени. Не сказать, чтобы я много летала в жизни, но газ в салоне на моей памяти еще не распыляли никогда.

— А ты думала определить направление по облакам, — буркнула Радка. — Тут ты вообще ничего не определишь — один сплошной секрет, блин. Хоть ясно, почему нет ни журналов, ни киношек. Жопники. Ну, хоть поспим.

Она, кажется, даже не напряглась — отыскала где-то одноразовые тканевые очки, щелкнула резинкой вокруг головы и принялась на ощупь раскладывать «плацдарм».

— Слушай, ты совсем не боишься?

Насильственно засыпать мне было как-то «сыкотно».

— А у нас есть выбор?

Действительно, выбора не было. И, как говорится, можно было расслабиться и получать удовольствие.

Когда сверху зашипело и по салону потек сладковатый приторный запах, я, как и Радка,

сидела в тканевых очках и зачем-то пыталась не дышать. Десять секунд, двадцать, тридцать... В какой-то момент организм потребовал свое, пришлось распахнуть рот и судорожно втянуть местный кислород с примесями.

Н-ное количество секунд спустя я провалилась в черноту.

* * *

Сколько мы летели? Где? Днем, ночью? В каком направлении?

Все осталось тайной.

Наверное, в полете одетые в противогазы или скафандры стюардессы могли ради шутки разрисовать нам морды зубной пастой, а после умыть и причесать. И так раз пять кряду. И никто бы не заметил.

Проснулись мы в тех же креслах, бодрые и отдохнувшие, — все, как ни странно, в хорошем настроении. Уже знакомый голос старшей бортпроводницы вещал о том, что погода в месте прибытия хорошая — плюс двадцать два градуса, — объявляла, что снижение самолета уже началось, и «совсем скоро мы будем в раю».

Сидящая справа Радка сладко потягивалась:

— Слушай, я б всегда так летала — это ведь прикольно, да? И выспался, и отдохнул, и не маялся, выискивая удобную позу.

Желала бы я иметь столько же бесстрашия, как она, — карамелька белобрысая.

— Уж лучше неудобная поза, но возможность осознания происходящего.

— Тебе бы все осознавать, — выслушав мою позицию, хмыкнула подруга. — Наслаждайся уже, наслаждайся. Ведь именно здесь и сейчас начинается наша свобода. Здесь. И сейчас.

* * *

Зона прибытия поделила гостей на две неровные очереди к будкам с надписями «Для отдыхающих» и «Для персонала».

— Слушай, мы гости или персонал? Мы ж еще не персонал?

— Мы будем персоналом, — Радка уверенно пристроилась в левую очередь, состоящую, в отличие от соседней, всего лишь из нескольких человек.

А справа бушевала толпа — вздымалась, волновалась, переминалась с ноги на ногу. Кто-то возбужденно блестел глазами, кто-то слушал музыку и пританцовывал, кто-то... принялся раздеваться.

— Эй, они чего это?

Мои глаза округлились сразу же вслед за Радкиными, и теперь мы снова перешептывались, как два партизана в окружении противников.

— Слушай, они штаны с себя стягивают... и майки.

— И трусы, — я сглотнула.

— Ага, только маски почему-то на лице оставляют.

— Ну, лицо, видимо, не член — чего его оголять?

Чем ближе «гости» из правой очереди подходили к проходной, тем оживленней они

становились, а уж минув будку, так и совсем неслись к выходу с радостными воплями. Некоторые совершенно голожопые.

— Рад, мы куда приехали, а? — спросила я с пересохшим от неожиданности ртом.

— Э-кхм-кхм, — невнятно прочистила горло подруга.

— Мы что, станем такими же?

Теперь мы смотрели друг на друга, как две изумленные идиотки, готовые расхохотаться.

— Может, и станем. Это хорошо или плохо?

— Не знаю... Они выглядят счастливыми.

— И свободными.

— И почти дебильными.

Мы все-таки рахохотались.

Мда, новая жизнь однозначно собиралась преподнести массу сюрпризов и уже начала их преподносить. Еще никогда меня не лапали глазами человек десять одновременно, не «отключали» в самолете, и никто никогда не оголялся передо мной без причины и без стеснения. А тут...

Тут было на что посмотреть: примерно каждый второй мужчина из правой очереди с удовольствием скидывал с себя пиджак, брюки, туфли. Хорошо, если оставался в трусах, а многие и без. Женщины оголялись до бюстгалтеров и до отсутствия последних — падали на пол юбки, чулки, кружевные трусики, отскакивали от стен сброшенные с ног туфли на высоких каблуках. Обалдеть!

Комиссар в будке, не обращая ровным счетом никакого внимания на происходящее вне его рабочей зоны, попросил нас показать рабочие удостоверения, но вместо этого получил под нос Радкину газету:

— Мы устраиваться на работу.

Кхм. Пока Радка обхаживала кареглазого комиссара в фуражке с козырьком, я смотрела на того самого дедка, который лапал меня глазами до посадки и который теперь сверкал тощей задницей, удаляясь от проходной. И этот мудачилла, увидев, что мы «персонал», а не гости, на прощание мне разочарованно подмигнул.

Хде мы, Создатель, помоги? Куда мы приехали?

* * *

— Чем я вам не подхожу?! Вы можете внятно объяснить?

— Мы имеем право отказать без объяснения причин.

Женские вопли и бесстрастный мужской голос — все это доносилось из-за двери, у которой мы расположились. Узнав, что мы прибыли «пробоваться» на роль разносчиц напитков, нас проводили по длинному уединенному коридору, указали на одинокие стулья и попросили ждать.

И мы ждали.

— Слушай, это та самая тощая блондинка, которая стояла в очереди к будке перед нами, да? Она еще что-то шептала «фуражке» в окошко — я не разобрала, что именно...

— Вроде она. Тоже на работу приехала устраиваться?

— И не прошла кастинг. Как думаешь, чем?

Я не знала — чем. Симпатичная деваха — большеглазая, фигуристая.

А Радка ковыряла лак на ногтях.

Для человека незнакомого сие действие ни о чем не говорило, но я знала о том, что Радкины ногти — сокровище неприкосновенное. Если один ломался, она со скоростью ракеты неслась к маникюрщице, чтобы сделать коррекцию, если облуплялся лак, то тут же перекрашивала все десять ногтей. Да-да, стирала прежний слой из-за одной-единственной трещинки или неровности и тут же наносила новый. Могла заниматься этим по десять раз на дню. Раньше запах ее «ацетонки» меня раздражал, потом перестал — привыкла.

А теперь Радка сама сдирает с ногтей лак, и это олицетворяло наивысшую степень ее нервозности.

— Нежка, я хочу эти триста баксов в день.

— Нам еще не отказали.

— А ей отказали. Без причин.

— Причины были, просто ей не объяснили.

— Я не хочу никаких причин, я хочу, чтобы нас пропустили...

Хлопнула дверь; раскрасневшаяся от злости блондинка вылетела наружу и на всех парах пронеслась через коридор. Мы с Радкой переглянулись и подумали об одном и том же: «Сейчас ей лететь обратно, спать, вдыхая газ. А потом в Нордейл».

— Вот и кончился ее праздник.

Из-за двери донеслось: «Следующий, входите!»

— А наш только начинается, — хихикнула я браво. — Пошли, мы ничего не теряем.

— Триста баксов...

Радка смотрела на меня глазами печальной коровы.

— Эй, не ты ли говорила, что мы молодые, прекрасные и самые замечательные?

— Я...

Ее грудь чуть «выпукла» от гордости к себе.

— Вот и пошли это докажем.

Она неуверенно спросила:

— Кто первый — ты или я?

— Вместе, родимая, только вместе.

И я потянула ее за запястье.

* * *

— Работать хотите вдвоем?

— Да.

— Лесбиянки?

— Нет.

Мы отвечали синхронно.

Светлая комната, раскрытые жалюзи, трое мужчин за длинным столом, напоминающим «профессорский» в институтской аудитории. Мужчины по виду различались: слева моложавый, чернявый с бородкой и пухлыми губами, по центру сухопарый очкарик с лошадиным лицом, справа и вовсе лысый в стального цвета футболке — «приемная комиссия», блин.

Экзаменаторы оглядывали нас с интересом. Очкарик пояснил:

— Стадия первая: сейчас Мартин (кивок на соседа слева) обследует прибором ваш

психологический фон — если все в порядке, перейдем ко второму этапу.

Мы с Радкой напряглись. Интересно, чем они обследуют и как? Ведро с проводками на голову и присоски по всему телу?

Я ошиблась. Усатый поднялся из-за стола, держа в руках небольшую коробочку с кнопками и экраном — эдакий широкий пульт. С ним он подошел сначала к Раде и какое-то время водил сначала перед ее лицом, а после у висков и затылка, затем коротко удовлетворенно кивнул и направился ко мне.

Пульт не издавал ровным счетом никаких звуков и не вызывал неприятных ощущений, но я водила за ним настороженным взглядом — что за штукавина такая? Вдруг сейчас выдаст красный сигнал?

— Обе пригодны, — спустя минуту заключил усатый Мартин и направился обратно за стол.

Мы с Радкой весело переглянулись — мол, «мы с тобой достаточно шизанутые для этого Города» — и разулыбались. Но не успели выдохнуть с облегчением, как последовала команда:

— Раздевайтесь.

Упс, приехали.

— До трусов? — спустя молчаливую паузу уточнила изумленная подруга.

— Трусы можете оставить, — благосклонно разрешили нам. — Но бюстгалтеры снять. Это и есть второй этап — визуальный осмотр. Ваши тела должны быть приятны для взглядов — не вызывать отвращения, не отпугивать, не напрягать шрамами или уродливыми тату. Вы ведь будущий персонал как-никак.

Угу, значит, не праздная команда — мол, дайте мы заодно на вас глянем, раз пришли.

— Нет у нас тату, — неприязненно выплюнула Радка и принялась стягивать кофту. Все еще заторможенная от замешательства, я последовала за ней и неуверенно взялась за пряжку собственных брюк.

— Снимайте-снимайте.

«Давай, не тушуйся, — подбодрила меня уверенным взглядом подруга, — нам есть что показать».

Хм, действительно, есть. Может, не модели, но и страшными мы никогда не были. Радослава вообще деваха видная и спортивная — сисари, как футбольные мячи, разве что колом не стоят, плечищи широкие, бедра узкие, щиколотки тоненькие — она всегда напоминала мне перевернутую горлышком вниз бутылку. Сама я не «бутылка» — скорее, песочные часы, вот только не худая — титьки размера три с половиной, округлые мягкие бедра, наличие талии. Радка — яркая блондинка, розовощекая, молочная. Я — пухлогубая брюнетка с бронзовой кожей и водопадом прямых каштаново-красных волос. Голубоглазая. Чувственная «лиса» — именно так меня часто называли друзья мужского пола. Хм, лиса и лиса. В общем, красавицы мы, как ни крути.

А крутить нас крутили. То повернитесь левым боком, то правым, то задом, хорошо хоть не «нагнитесь» — не прием работниц на роль разносчиц, а кастинг для порнофильма, не иначе.

— Ну что, как вам? — спросил очкарик соседей.

Мы стояли перед незнакомыми мужиками голые и одинаково пунцовые от смущения. Нас обозревали, как скаковых кобыл.

— Мне нравится, — постукивая ногтями по столу, заключил усатый.

«Слава тебе, Создатель...»

— Да, сойдут, — кивнул лысый.

«И тебе всего пять очков из десяти», — мстительно съязвила я за «сойдут».

— Я тоже «за», — подытожил центральный. — Марти, передавай их Алану, пусть возится с ними дальше. Кто там после них? Следующий!

Стоило дверному замку щелкнуть — блин, значит, в коридоре кто-то был! — как мы с визгом, прижимая одежду к голым телесам, выскочили за противоположную дверь.

— Блин, мудаки, даже одеться не дали! — натягивая плотные колготки и шерстяную юбку, Радка пыхла, как паровоз. — Мы же сиськами стоим сверкаем, а он — «следующий»...

— Зато мы прошли, Рад! Мы прошли!

— Ага, — она радовалась сквозь пыхтение. — Будут ежедневные три сотенки нашими, это классно. Слушай, а почему все-таки та баба не прошла?

Это она про блондинку, которая выскочила обратно.

— Может, не прошла проверку на психологический фон?

— Может. Странная у них, правда, проверка какая-то...

Озираясь по сторонам в ожидании некоего Алана, мы спешно натягивали все то, что сняли до того.

— А мы-то секси, Нежка, я же говорила? Нам нечего бояться, мы — красотки. И мы получили эту должность. Слышь, мы ее получили!

Она хохотала, а я спешно натягивала штаны на до сих пор казавшиеся ватными после испытанного смущения ноги.

* * *

А на улице царило лето — такое жаркое и настоящее, что, несмотря на работающий в такси кондиционер, мы моментально прокляли и март, и шарфы, и шерстяные чулки.

Лето... Пушистые облака, режущая глаз небесная синева, аромат разнотравья, идущий от стелющихся вдоль дороги просторных парков. А в парках прямо на газонах, валялись обнаженные люди.

— Радка, они голые! — я тыкала пальцем в окно, как невоспитанный посетитель зоопарка.

— Ага, — от удивления, она навалилась на меня всем торсом, — слушай, все голые.

Некий Алан, до того проводивший нас на скорый медицинский осмотр, заключавшийся в прохождении похожей на металлоискатель «рамки» («она-сразу-берет-все-анализы-и-выдает-результат»), снисходительно фыркнул и пояснил:

— Это дресс-код Города «Х» — без одежды. Все гости, приезжающие сюда, ознакомлены с правилом о том, что передвигаться по улицам города можно или полностью нагишом, или же в открытых купальниках. Если стеснительные. Нет, у нас, конечно, есть зоны «в одежде», но они предназначены для других климатических пространств или же для тех, кто желает играть в ролевые игры.

— А мы тоже будем без одежды?!

Мы рассматривали незнакомое место, как две девчонки новый кукольный домик, в

котором, оказывается, есть «шкафчик, плита, кровать, трюмо и даже набор посуды». В общем, с удивлением, изумлением и долей восторга.

— Дайте мне пояснить все по порядку. Ехать будем долго — корпус персонала от аэропорта далеко, и потому я все успею рассказать.

Алан — субъект, заслуживающий отдельного описания: низкорослый мужичок в темных очках, с вьющимися наполовину седыми волосами, в льняных шортах и с пузиком. На шее массивный золотой знак доллара, в ухе серьга. Говорил этот Алан (то ли гей, то ли нет) нараспев, часто плавно и нетерпеливо взмахивал рукой, но самообладания не терял и вещал доходчиво:

— Нет, весь персонал вашего класса ходит в униформе — трусиках с бантиком сзади и специальном бюстгалтере-мини...

Радка тут же выдохнула не то с облегчением, не то с разочарованием.

— И да, — Алан смотрел в блокнот, лежащий на коленях, — бюстгалтеры можно снимать, если хотите, но тогда «статус» медальона нужно обязательно переводить в положение «Интим: да». Ему соответствует зеленый цвет индикатора.

Медальон? Статус? Казалось, мы попали в совершенно другую страну.

Такси неслось по удаленным от центра города дорогам, но даже здесь — в далеких парках у озер — отдыхающих было предостаточно: они бродили, держась за руки, у берега озера, купались, лежали на одеялах, мазали друг друга кремом,... сношались.

— Радка, они... — я зажала собственный рот ладонью.

— Ага...

— Да они точно...

— Да я вижу...

А мы взгляд оторвать не могли от тех, кто занимался сексом прямо под солнцем и на глазах у публики. И, кажется, нам, несмотря на смущение, однозначно не хватало биноклей.

Посмеивался таксист.

— Девушки, вы что, как из дикого леса? Это же Город «Икс», и сюда приезжают именно за этим — чтобы беспрепятственно и без условий заняться сексом с тем, с кем захочется. Это город Свободы. Нет, конечно, не только за этим — некоторые приезжают для того, чтобы принять уникальные грязевые процедуры или посетить медицинские люкс-клиники, где все специалисты...

— Обнаженные? — ввинтила вопрос Радка.

— ...высшего класса, — Алан нахмурил брови и раздраженно ответил. — Ну, конечно, обнаженные — я же говорил: это правило. Дресс-код. Итак, давайте начнем пояснения. Ваша работа будет заключаться в том, чтобы курсировать по определенной, заранее указанной на конкретный день зоне и разносить гостям прохладительные напитки. Я сейчас буду говорить главное — все детали вы сможете узнать, просмотрев диск, который лежит на телевизоре в вашей комнате. Вы меня слушаете?

— Угу...

Мы слушали. Вполуха. Потому что не могли оторвать глаза от окон, за которыми нет-нет, да показывалось что-нибудь совершенно сногшибательное — например, велосипедисты: он и она, оба голышом, но в шлемах, пританцовывающие на сиденьях странноватой формы.

— Ты это видишь?

— Ага. Голосепидисты.

У нас с непривычки глаза лезли на лоб, и мы постоянно, как обкуренные, хихикали.

— Это не обычные велосипеды, — теряя терпение от того, что мы постоянно отвлекаемся, объяснял Алан, — это трахопеды. Транспортные средства, в сиденья которых вмонтированы массирующие и возбуждающие фаллоимитаторы, которые упираются женщинам во влагалище и клитор, а мужчинам в анус. И давайте уже послушаем меня без лишних комментариев, хорошо?

Мы кивнули, зажав рты ладонями, чтобы не удариться в истерический хохот, однако хохот лез даже сквозь сжатые пальцы.

— Итак, — делая вид, что не слышит хрюканья с заднего сиденья, продолжил Алан, — каждое утро вы будете получать уведомления, в какой зоне сегодня работаете. Зон много и они меняются, чтобы и вы получали разный опыт и не «застаивались». Какие именно существуют зоны, я расскажу позже, а так же в комнате вы найдете подробные карты. Работать вам предстоит в униформе, на шее всегда должен висеть «амулет» — он является частью дресс-кода этого города.

— Амулет?

— Да, амулет. У него есть несколько световых позиций: красная означает «интим: нет», розовая — «наблюдатель», голубая «отдыхаю», зеленая «интим: да» и еще несколько, которые можно активировать специальной комбинацией, но сейчас это лишняя информация. Итак, амулет должен быть на шее все время — он говорит остальным о вашей готовности, либо неготовности заниматься сексом, это важно. У нас не подходят и не спрашивают: «можно я потрогаю вас за грудь? Можно я поглажу ваш пенис?» Если горит зеленый сигнал, можете подходить и трогать, — это нормально.

— А если горит «отдыхаю»? — подстроившись под тон местного завсегдатая, поинтересовалась Радка, не отрывая, впрочем, от окна любопытного взгляда.

— Тогда понравившегося вам человека нужно предварительно спросить о том, не будет ли он против контакта, ясно?

— Ясно.

— Еще раз упомяну — об этом все можно посмотреть на DVD диске, который находится...

— ...на телевизоре в нашей комнате, — пробубнила я себе под нос, но Алан услышал.

— Именно так, умница. Далее. Что касается перерыва на завтрак, обед и ужин — у вас их три, каждый по сорок минут. Питаться вы можете в любом — повторяю: ЛЮБОМ — кафе или ресторане этого города, которых у нас в избытке. До любого из них от обслуживаемой вами зоны не будет больше трех минут ходьбы. Выбор блюд и напитков не ограничен — бюджет на это выделяет город. Еда для работников обслуживающей сферы бесплатна.

— А кто еще входит в обслуживающий персонал?

— Как кто? — удивился наш провожатый на переднем сиденье. — Уборщицы, охранники, таксисты, повара... — огромный контингент всевозможных профессий.

— О, тут есть и охранники?

На нас снова посмотрели снисходительно:

— Огромное количество, потому как мы тщательно следим за тем, чтобы ничья свобода не нарушалась, а так же не жалуем извращенцев в публичных зонах — для них есть отдельные сектора, обозначенные на картах. Итак... Что там по списку дальше?

Кудрявый «сутенер» сверился с блокнотом:

— Добираться до работы вам предстоит на такси — вечером и утром оно для вас

бесплатно. В дневные часы — платно, но цены для всех умеренные и очень доступные. В секторах будете работать поодиночке, если маленький, и вдвоем, если большой.

Вдвоем — это хорошо.

От обилия новой информации и резкой смены климата у меня кружилась голова.

«Радка, мы тут», — я тихонько пожала ее пальцы, и она кивнула мне с радостной усмешкой: «Я знаю».

Вокруг все цвело и благоухало. Искрилась под солнцем озерная гладь, игриво жалась к земле под теплым ветерком трава, зазывно пестрели яркими лепестками цветы. Здесь все было пропитано еще пока непонятной нам, но уже такой осязаемой свободой — даже небо над головой. Мы как будто попали на частую закрытую вечеринку, на которой не действовали общепринятые правила. В городе «Х» царили день и вечный праздник взаимной любви и отдыха от «неприличных приличий».

Алан же заваливал нас новой информацией, как сбрендившая лавина снегом. Например, о том, что мы имеем право переключать медальон в зеленый режим и заниматься сексом, но только при условии оповещения сменщицы — «мол, присмотри за моей территорией», — точно так же, как на это имеют право охранники. Однако если мы не хотим интима, никто не посмеет нас к этому принудить. О туалетах и душевых, расположенных в каждом секторе и на каждой автобусной остановке — с непрозрачными и прозрачными стенами для любителей «наблюдать». О «трахтобусах», в которых мы тоже можем ездить, но где следует быть готовых к тому, что на входе нас обольют маслом, а после поместят в обнаженную толкучку, дабы мы смогли протиснуться в выходу, «протершись» о все тела и выступающие конечности остальных.

Слушая об этом, я молилась о том, чтобы не удариться в истерический хохот, а Радка спросила:

— То есть автобусы всегда полные?

— Да, всегда. Именно для того, чтобы испытать те ощущения, которые вы не испытаете нигде, кроме как здесь.

И он продолжил о зонах «плюс» и зонах «минус» на карте, где плюс означал — «интим: да», а минус «интим: нет». О зонах отдыха для персонала, о бильярдных, кинотеатрах и прочих развлекательных заведениях, где следовало быть внимательным к тому, какие требования предъявлены на входе.

— Зон много, но с ними все не так сложно, и вы быстро разберетесь. Обслуживать не требуется только сектор 15 — «Зону Охоты», так как там... а, впрочем, вы со всем разберетесь со временем. Примерно через двадцать минут мы прибудем в сектор жилья для персонала, и я выдам вам ключи от комнаты. Ну, как, девушки, нравится вам тут?

Мы кивнули чинно, как монашки, которые только что отужинали тортом в форме фаллоса.

— Ой, какие сдержанные, — беззлобно фыркнули с переднего сиденья. — Посмотрим, какими вы станете уже через неделю.

И водителю:

— Пит, прибавь скорость, а то мне еще следующих расселять.

Такси ускорилоь.

Истерика накрыла нас в комнате.

— Трахтобусы!

— Трахопеды!

Мы валялись на кроватях и держались за животы, неспособные справиться с эмоциями.

— Радка, хочешь покататься на резиновом фаллосе и заодно позагорать? Титьками трясешь, солнышко светит, рядом едет ухажер с тычком в заднице. Как тебе?

Она хохотала до икоты.

— Нежка, ты первая пробуешь трахтобусы! Прикинь, тебя голую обольют маслом, а после облапают все, кому не лень...

— Слушай, они занимаются этим прямо на газонах!

— И на лавочках...

— У бассейнов...

— На улицах...

— Ты куда нас привезла вообще?!

— Куда? — она вытерла выступившие на глазах слезы ладонями. — Если бы я знала, что здесь... такое... я бы, может, сама не поехала.

— Поехала бы, быстрее автобуса бы побежала, чтобы на все посмотреть.

— Ага, трахтобуса.

Выходной. День освоения новой территории.

Информации было слишком много, слишком — я чувствовала, что мне требовалось глотнуть чего-нибудь крепкого, выкурить на балконе сигарету, а после несколько минут провести наедине с собственными мыслями, привести голову в порядок. Так бывает, когда человек впадает в шок, — сталкивается с чем-то непривычным и ощущает, как из-под ног уходит почва. Долбаный город грехов однозначно эту самую почву у нас из-под ног выбил.

Вино в мини-бутылочках отыскалось на нижней полке холодильника.

Проплывая по комнате мимо лежащей на кровати Радки к балкону, я пояснила:

— Я курить.

— Угу.

Она смотрела блестящими глазами в потолок — не то, как и я, пыталась справиться с шоком, не то уже о чем-то мечтала.

— «Сменим баню на работу разносчиц», блин, — проворчала я, — вот тебе и мужики без простыней.

— Ну, я же не знала!

Звучало слишком восторженно, чтобы услышать в этой фразе раскаяние.

Задний двор у совершенно неприметной на вид четырехэтажки тонул в зелени. Шелест крон, тишь да гладь — если не помнить о том, что этим утром мы переселились из нормального Уровня в «ненормальный», то можно было легко представить, что мы заглянули в гости к друзьям, чей балкон в квартире выходил на примерно вот такой же уютный зеленый сад-дворик.

Изменения.

Первую бутылочку с вином я заглотила залпом, вторую растягивала уже под сигарету — неспешная затяжка, выдох — запах дыма был чем-то привычным, не то, что... это. Под «этим» имелось в виду новое окружение.

Итак, мы в Городе «Х». Удивительно, но факт. И у людей здесь, похоже, в головах совершенно нет никаких условностей — это удивляло и завораживало одновременно. Всю сознательную жизнь я увлекалась психологией — пыталась разгадать секрет человеческого мышления, — и мне, если взять чисто научный и экспериментальный аспект, здесь было, во-первых, интересно, во-вторых, познавательно, в-третьих, как будто просто хорошо. Это даже пугало.

Нет, я, как и Радка, никогда не считала себя пуританкой. Мы были обычными. Теми самыми обычными девчонками, чья жизнь состояла из разных мест работы, разного окружения, разных людей, которые входили в нашу жизнь и уходили из нее. Мы, как и все, искали «свой дом» и кого-то единственного в этом мире — кого-то теплого, нужного и «главного». Но пока не находили. Встречались, расставались, знакомились снова и вновь писали «пока».

И меня ничто не тяготило до того момента, пока пару лет назад в новогоднюю ночь я не решила посетить будку «Моя вторая половина». Помнится, Комиссия тогда только ввела тот сервис в использование для граждан, и я — то ли из скептицизма, то ли из любопытства, — отнесла туда свои последние деньги. Немалые, между прочим. (**Эта история описана в коротком рассказе «Новогодний Город 2015» — прим. автора.*)

Будка не подвела, выдала результат и показала моего «суженого» — красивого синеглазого брюнета, чье изображение на экране заставило мое сердце биться в два раза быстрее обычного. Только изображение изображением, а вот любой другой информации о нем, как то: имя, место проживания или хотя бы уровень проживания — будка показать забыла.

Телефон разбился, фото потерялось. Прошло время.

Все это было давно — до Радки, до бани, до того, как я переехала жить в Клэндон-сити, а после вернулась обратно.

— Эй, ты там зависла?

— Уже иду.

Колыхалась позади меня тонкая тюль. Балконная дверь открыта — не верилось, что лето. Что совсем вот только вокруг лежал снег, и мерзли без шапки уши, что скользили по льду ботинки. Еще вчера в жизни была «баня», вечера у компьютера, а сегодня уже все совсем иначе.

Настолько иначе, что при воспоминаниях об ожившем вокруг нас порнофильме в режиме «4D» и реальном времени, хотелось вино пить беспрестанно.

Ничего, наверное, мы привыкнем. Втянемся, примемся кайфовать, перестанем округлять глаза при виде «титек и писек», научимся мило улыбаться на самые-самые из непристойных предложений. Ведь не зря же есть «амулеты»?

— Ты не поверишь, что я нашла! — донеслось из комнаты.

Я затушила сигарету в блюде, которое нашла на кухне и приспособила под пепельницу.

— Что?

— Нашу будущую униформу!

Тюль я миновала уже с вновь расплывшейся по физиономии глупой улыбкой.

Мда. Униформа — громкое слово. Наша униформа состояла из пяти предметов белого цвета: изысканных полупрозрачных трусиков, немного прикрывающих «перед», но

совершенно оголяющих зад, кружевного лифа, в котором я бы на интимное свидание не пошла, так как побоялась бы прослыть бл.Нодью, и трех гафрированных резиночек, похожих на отрезанный верх от чулок. Одна для шеи и две для ног. Чудесный набор.

Лиф, который я как раз крутила в руках, Радка моментально охарактеризовала «паутинкой» — хм, похоже. Вот только я бы назвала его «звездочкой», так как единственной блямбой в центре была именно тканевой звездочка, призванная прикрыть сосок, а уже от нее в разные стороны тянулись перламутровые нити-стяжки.

— Вот это да...

— Впечатляет, да?

В моей голове играло вино.

— Это срочно надо примерить. Вот срочно.

— Дерзай.

Полутемная комната; лакированная стенка со множеством шкафов и огромным зеркалом, две кровати, два кресла и две хихикающие девчонки.

Пока я скидывала на пол одежду, подруга отыскала упомянутый Аланом диск и вставила его в проигрыватель — моментально ожил телевизор.

— *Уважаемые новые работники обслуживающей зоны,* — раздался приятный голос ведущего, — *мы рады приветствовать вас в незабываемом и уникальном месте — Городе «Икс»...*

— Точно, уникальном, — Радка, тем временем, с любопытством обследовала гардеробную.

Я же чувствовала себя шальной и совершенно пьяной — и в этих «нитках» мы должны будем расхаживать по улицам? Мне вина... Много вина!

Стучали открываемые и закрываемые деревянные дверцы; грохотали по перекладине плечики для одежды; я, силясь не перепутать «ниточки и сеточки», облачалась в новый наряд.

— Сюда, похоже, только нашу одежду и придется свешать, — мычала Радка, перебивая телевизор.

Бюстгальтер, как ни странно, оделся вполне удобно и соски прикрыл. Настала очередь трусиков.

— *В предназначенной для вас комнате вы найдете: две пары ключей, повешенных на специальную «ключную» доску в коридоре, три комплекта униформы на человека, а так же три пары туфель, которые перед вашим приездом специально подобрали для вас служащие «гардеробной»...*

— Что, уже успели, что ли?

Радка оставила шкафчики в покое и принялась искать туфли.

— Слушай, точно успели. Нежка, ты только глянь на эти ходули!

Мне было не до «ходудей» — я во всем глаза смотрела на себя в зеркало и не знала, то ли краснеть, то ли вновь смеяться — «униформа» сидела на мне, как влитая. Чудесная, удобная, не стесняющая движений — не стесняющая вообще ничего... Можно сказать, отсутствующая.

— Рад, мы в этом будем по улице?!

— Ух ты! А тебе идет.

Наверное, мне шло. В комплекте а-ля «ночная бабочка» я выглядела совершенной — вот совершенной! — раскрепощенной нимфоманкой. Ага, «подходи, кто хочет, вставляй, кто

хочет!»

— Ох...

Мои полные груди растопыривали «звездочки», как спелые дыни овощную сетку, треугольник-«недорослик» трусиков почти ничего не прикрывал, атласный бантик на шее, атласный бантик на заднице и две широких резинки от чулок на ногах.

— Нежка...

Радослава разглядывала меня с восторгом.

— У-у-у?

— Слушай, ты... супер!

Честно говоря, я своим отражением любовалась тоже. Но ровно до тех пор, пока не вспомнила, что вскоре им будет любоваться каждый встречный и поперечный.

Не успела я предложить подруге облачиться в тот же самый наряд, чтобы оценить и ее данные «в полной мере», как меня перебили:

— Смотри, что я нашла? Наши «амулеты».

И, словно уловив, что мы перешли к нужной теме, забубнил телевизор:

— ...кнопка переключения статуса находится на задней поверхности «медальона» — самое левое положение зажигает красный сигнал, соответствующий значению «интим: нет», второе слева — розовый, соответствующий значению «наблюдатель», следующее слева направо голубой — «отдыхаю» и самое правое — зеленый — «интим: да». Помните, что выход в Город без медальона не разрешается, за нарушения этого правила взимается денежный штраф в размере ста долларов...

— Ничесе! Нежка, без этой цепочки из дома ни ногой, поняла?

— Угу. А ты давай-давай, примерь-ка униформу...

— Давай...

— А я пока туфли...

* * *

Лекция на диске длилась, длилась и длилась. Спустя сорок минут мы узнали, что:

- Вино в нашем холодильнике бесплатное, но дополнительные продукты питания, помимо завтрака, обеда и ужина, мы докупаем на «свои».
- Нам разрешено выпивать до трех мини-бутылочек вина в день, и это ненаказуемо.
- Рабочий день длится с девяти утра и пяти вечера, затем нас меняет вечерняя смена.
- Управлять световым индикатором медальона можно и с браслета на руке — удобно.
- К нам в «номер» трижды в неделю приходит уборщица, которая чистит и убирает помещение, включая санузлы.
- В шкафу находятся таблетки для снижения физического возбуждения. Желтые гасят ненужную «перевозбужденность» на тридцать процентов, красные на пятьдесят и синие на семьдесят пять. Таблетки разработаны Комиссией специально для Города Икс, и их действие на организм совершенно безопасное. Побочных эффектов и привыкания нет.
- Для персонала, проводящего рабочий день на ногах, вся обувь разработана таким образом, чтобы независимо от длины каблука, никогда не уставали ни лодыжки, ни стопы. Изумительно.

Телевизор все вещал и вещал; Радка слушала ведущего, приклеившись глазами к экрану, я же изучала найденную на столе карту Города. Удивительную, к слову сказать, карту. Удивительную уже хотя бы потому, что, чем дальше смотришь на какой-либо квадрат, тем сильнее он визуально приближается. Увеличивается в размерах, прорисовывается, детализируется, тогда как все остальное стирается из поля зрения. И я вот уже минут десять балдела, разглядывая бани, душевые, автобусные остановки, кинотеатры и прочие занимательные объекты. Жаль только, что люди там ходить не начинали. Хотя... людей нам предстояло увидеть скоро.

Униформа на Радку села идеально — обрисовала титьки-мячи еще хлеще, чем мои, добавила пикантности ее заду атласным бантиком, дополнила картину «чокером» и подвязками, идеально завершилась медальоном.

Медальоном мы, кстати, долго баловались, меняя цвета, как на светофоре. Подначивали друг друга попробовать прогуляться по городу с зеленым светом и посмотреть, что случится.

В итоге, понятное дело, не решились.

Лекция еще не закончилась, когда к нам в дверь постучали незнакомые девчонки, сообщили, что они наши коллеги по цеху и исчезли со словами: «Нам в кино. Познакомимся позже».

Позже, так позже.

До того, как мы впервые покинули комнату, отправившись осваивать пространство вне корпуса, из холодильника исчезло еще четыре мини-бутылки вина на двоих (в выходной любое количество спиртного ненаказуемо), а в моей пачке совершенно некстати закончились сигареты.

* * *

— На нас смотрят... На нас, блин, все смотрят!

— Ты иди, как будто каждый день тут ходишь и давно привыкла.

— Я голая!

— Я тоже голая...

— А они еще голее нас и нифига не стесняются.

— Вот и ты гордо вскинь голову и прикинься, что ты королева.

— Я королева... Я королева... Я ГОЛАЯ!!!

* * *

Ходить по супермаркету с тележкой — привычно. Ходить по супермаркету с тележкой и нагишом — совершенно непривычно. Не удивительно, что первым делом мы отправились в магазин — хотелось забить пустой холодильник всякой всячиной — калорийной, ненужной, но очень вкусной: чипсами, шоколадом, фруктами, мороженым и пивом.

На наших шеях, словно сигналы «не влезай — убьет» — горели алым медальоны-фонари. Наши защитники и они же, как оказалось, причина разочарованных мужских

ВЗГЛЯДОВ.

— Так вам, так вам, — тихонько ухмылялась я, силясь, тем не менее, сквозь прутья продуктовых тележек, разглядеть мужское достоинство каждого представителя сильного пола.

— Эй, ты смотришь туда же, куда и я? — шепоток сбоку.

— Угу...

Мы не могли не смотреть. Вот не могли. В нормальном мире все самое интересное у мужиков спрятано в штанах, а тут... Ну как пропустить? Темные заросли, русые заросли, прекрасно-длинные члены, стремно-короткие члены, члены длиннее яиц, члены короче яиц — толстые, нетолстые, налитые или сдутые, со спрятанной головкой, с обнаженной головкой — всякие!

У меня почему-то началось обильное слюноотделение. Общались мы с Радкой в этот момент на автомате и едва ли сумели бы вспомнить, о чем вообще говорили и зачем:

— Что будем делать вечером?

— Может, фильм посмотрим? Ты же говорила, что у нас на телеке нашлось много каналов?

— Ага, можно. Тогда надо купить попкорна...

— Ты видела здесь попкорн?

Наши глаза скользили по всему, исключая то, за чем мы пришли — по чужим торсам и животам, по босым ногам, по колышущимся грудям, а после по лицам. И только потом — по продуктам, ввиду чего мы наворачивали по супермаркету, кажется, восьмой круг.

— Там дедок на твою жопу пялится...

— Пусть пялится, — Радка была снисходительна. Она сама почти без смущения пялилась на всех, кто проходил мимо.

Нас ласкали взглядами за все выпуклые и втянутые части тела. Нам улыбались, нам подмигивали. Один особенно рьяный мужик — ничего так себе на вид — даже предложил:

— Может, переключишься в зеленый режим, крошка?

Мои щеки от этого предложения сделались пунцовыми, а у мужика встал.

Все последующее время я думала о том, что я точно буду принимать эти «антивозбуждающие» таблетки, вот точно-точно буду, иначе крыша поедет, и продукты, ввиду моей временной невменяемости, покупала Радка.

* * *

— Да нормальный это город! Видела на карте, сколько зон или со знаком минус, или для простого отдыха? Тут можно делать что угодно: расслабляться в спа, заниматься шопингом, фитнесом, приводить в порядок тело и здоровье. Выходит, что это не совсем город-«вечный трах», а просто город, где, если хочется, можно в любой момент заняться сексом. Получается, и знакомиться, наверное, можно. Я имею в виду — нормально знакомиться...

На «Икс» потихоньку опускался вечер; Радка размышляла вслух, стоя на балконе. Она чуть повысила голос, чтобы я слышала ее из комнаты.

— Наверное, можно.

— Посуди сама... Это же здорово, когда можно СНАЧАЛА понять, подходит ли тебе

мужик в постели...

— Тут нет постелей, тут, по-моему, все прямо на улице...

— Не суть. Подходит ли тебе мужик как мужик — по ощущениям, по запахам, блин, по размеру члена! А уже только потом спрашивать: «А кем вы работаете?» и узнавать характер. И тут есть постели — дофига. В специальных отелях.

— Характер, между прочим, немаловажен.

Мы так и переговаривались — я с кровати, Радка с балкона — через тонкую тюль. Ей хотелось подышать воздухом, а мне поваляться. Наши «бикини» мы сняли, переоделись в привезенные с собой футболки, которые после часовой прогулки нагишом, вдруг почему-то показались тесными и слишком плотными. Парадокс.

— Да характер ты сможешь узнать и после. А сколько пар развалилось от того, что с характерами все отлично, а вот в постели полный швах?

— Я не знаю статистику.

— А я знаю. Не статистику, а просто разговоры людей — много, Нежка, много. И, получается, что в том мире, который мы зовем нормальным, все происходит шиворот-навыворот.

Может быть, она права. По крайней мере, «Икс» давал возможность подойти друг к другу с обратного конца. С «конца», в общем.

От этих мыслей я улыбалась.

Как ни странно, прогулка мне понравилась — новые впечатления колыхали внутри что-то еще пока запертое и потаенное, но уже рвущееся на свободу — некую новую меня. По непонятной причине хотелось снова облачиться в униформу и на этот раз прогуляться по какому-нибудь широкому и освещенному проспекту. Полюбоваться на прохожих...

Оказывается, это затягивало.

— Ну что, фильм?

— Фильм.

— Слушай, жаль, что у нас дивана нет. Может, потом прикупим? Размеры комнаты позволяют.

Я думала не о диване. Я думала о том, как в мебельном магазине буду соблазнительно водить пальчиком по мягким обивкам и рассматривать достоинства других покупателей.

Нет, «Икс» — это наваждение. Однозначно.

— Вы уверены, что умеете делать то, что требуется?

— Уверен ли я, что умею работать с кодом Комиссии? Конечно.

Энтони Кокс — человек, много лет назад основавший место, со временем превратившееся из трех публичных домов в гигантский индустриальный мегаполис, именуемый теперь Городом «Икс», рассматривал гостя пристальнее, чем следовало, но ничуть не стеснялся этого.

Программист, надо же. Он ожидал увидеть очкарика — именно так. Потому что очкарики — это люди, которые не желают видеть внешний мир и сосредотачиваются на внутреннем, существующем исключительно в их воображении. Мире логики, например. Программисты, как полагал Кокс, вообще не должны быть людьми от «мира сего». А этот, который удобно и буднично расположился в кресле напротив, точно был от «сего».

Он был сногсшибательным. Даже Энтони, никогда не слышавший педиком, оценил это.

Логан Эвертон. Брюнет. Рост метр восемьдесят восемь — идеальная короткая стрижка (чуть удлиненная сверху), наглый разлет широких бровей, прямой нос, аккуратная щетина на лице и глаза такого глубокого синего оттенка, что неизменно хотелось поинтересоваться — а не линзы ли это?

Кокс был уверен — не линзы. Сидящий перед ним мужик не был ни выпендренником, ни франтом, ни показушником — он был brutальным. Не «делано» brutальным — эдаким «журнальным мачо», — но истинным, от природы. Конечно, все эти мышцы, прорисовывающиеся даже под курткой, накачаны в спортзале, но вот все остальное — просто ах. Этот Эвертон был великолепно всех моделей, которых Энтони время от времени использовал в рекламном бизнесе.

Этот мог бы стать лицом «Икса», его визуальным воплощением.

«Надо будет спросить его об этом. Позже. Когда закончим дела».

— Мне требуется написать, как бы это сказать... программу. Только не просто программу, а, скорее, большую и сложную систему, которая будет использовать вставки Комиссионного кода.

— Разрешение на использование получено?

— Конечно, а как же иначе?

Эвертон совершенно не тушевался под пронзительным взглядом-стрелой владельца целого города и ныне миллиардера, а Кокс к этому привык. Перед ним лебезили и тушевались все — девки по вызову, управленцы, инвесторы, финансовые консультанты и даже немногочисленные друзья. А вот новоприбывший программист выглядел так, будто собирался хлебнуть пива, которое только что достал из домашнего холодильника. Нет, он выглядел не так — расслабленно, да. Но в то же время собрано. *Холодно и сфокусировано*. И распространял вокруг себя эту чертову ауру величия, силы и некоего равнодушного презрения к происходящему. Энтони даже казалось, что в новехонькой кожаной сумке под ноутбуком должны обязательно найтись припрятанные под двойным дном ножи и пистолеты.

Может, так оно и есть.

Нужные бумаги отыскались в среднем ящике дорогого темно-вишневого стола из полированного дуба.

— Вот, здесь все печати.

Эвертон внимательно просмотрел каждый документ и голограмму на нем.

— В чем должна заключаться суть системы?

— Ну-у-у, — Кокс едва заметно расслабился, — это сложно описать, но у Вас ведь есть время?

— Есть.

— Может, хотите выпить?

— Не хочу.

Не привычное «Спасибо, мистер Кокс, это так «мило/добро/вежливо» с вашей стороны...» — просто «не хочу». Вот же хлыщ...

— Тогда давайте попробую объяснить. Мне нужна система, которая бы позволяла сканировать посетителей при въезде в «Икс», собирала бы о них данные и помещала в единую базу. Например, бывал ли человек у нас или же «новичок», следила за тем, чем он занимается и как именно проводит время, анализировала бы его перемещения и поведение, а после, на основе проведенного анализа, выдавала бы так называемые «рекомендации». То есть, что именно из имеющегося ассортимента можно предложить гостю, на что, пусть даже независимо от его осознанного внимания, среагировало физическое тело, и, соответственно, что нового могло бы его заинтересовать. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю.

Тишина.

— Сможете сделать?

— Смогу.

— Но?

— Но стоит это будет дорого.

Энтони наигранно пожал плечами:

— Деньги — это не проблема.

Нет, на самом деле деньги — это проблема. Они — проблема, когда их нет, и тогда, когда их слишком много. А еще деньги — проблема, когда вдруг начинает давить жаба, а Кокса жаба давила. Капитал — это, простите, не то, что можно вот так запросто транжирить, капитал — это то, что нужно правильно инвестировать. А программное обеспечение, которое он только что запросил, вещь не то, чтобы необходимая, но больше занимательная. Посмотреть бы для начала, какой она даст результат.

— И какой будет Ваша цена, мистер Эвертон?

* * *

Эвертон всегда получал много. Всегда, сколько себя помнил. Он отлично справлялся с работой, когда общество пользовалось языками программирования «низкого» уровня, легко приспособился, когда появились разработки языков «высокого» уровня, — изучил Литан, АСМ++, ДексА, Гаратон... Интеллектуальный код? Пожалуйста. Вплетение нейрографии и искусственный псевдо-интеллект? Нет проблем.

Сложнее всего оказалось тогда, когда его приняли на работу в отряд специального назначения и ввели самый важный для него профпредмет — Комиссионный код, — но он справился и с этим. Потому что был талантлив. А еще потому, что его — веселого и шального мальчишку в душе — завлекла красота языка, которого он не знал до этого, языка, не

имеющего привычных человеку символов и изложения в книгах. Языка, на котором нельзя было написать программу, используя клавиатуру, — только мысль. Комиссионный код создавался и соединялся с действующими кусками обычного кода мысленно. И именно это было тем, что до сих пор завораживало и восхищало Логана.

Имело ли смысл упоминать о том, что его заработки при смене должности лишь возросли? Нет. Комиссия умела ценить своих работников, а он был уникальным и в своем роде единственным человеком, чей талант оценил по достоинству и развил его Начальник — Дрейк Дамиен-Ферно.

Именно с Дрейком Логан и говорил этим утром. Сообщил, что некий Энтони Кокс при помощи информаторов отыскал его и попросил поработать над проектом.

— Почему нет? — Начальник лишь пожал плечами. — У нас пока тихо, помощь не нужна. Если понадобишься, вызову.

— Даже оттуда?

Эвертон успел проверить местоположение объекта, от которого пришел запрос.

Начальник лишь ухмыльнулся:

— Я достану тебя откуда угодно, ты же знаешь. Пришлю, если нужно, телепортера.

На том и сошлись.

Билет на самолет для гостя оплатил заказчик, прислал в аэропорт машину, не поскупился на представительный «Креллин» — просторное авто для миллионеров.

А теперь спрашивал о цене.

Но еще до обсуждения вопросов оплаты Эвертон хотел выспросить несколько важных моментов:

— Отсюда ведь нет соединения с интернетом?

— Нет.

— То есть я не смогу работать в привычной для меня обстановке, так как не смогу состыковывать и проверять новые куски кода с исходными данными?

— Боюсь, что так, — Кокс поерзал в широченном кожаном кресле, которое могло бы уместить двоих. — Но Вы же понимаете, что мы специально убрали возможность общения с внешним миром, чтобы наши посетители, скажем так, не отвлекались?

Он был седым и кареглазым — этот доморощенный миллионер. В костюме с золотой оторочкой, с завитыми в волны волосами и перстнями на пальцах — выбившийся с низов до самого верха сутенер. Эвертон таких презирал — людей, наживающихся на низменных потребностях остальных.

Проект, однако, вырисовывался сложный и интересный. Опять же дома заданий никаких, а просиживать штаны в ожидании новой работы Логан не любил и потому раздумывал взяться. Если устроит цена.

— Сотовая связь?

— Свои вышки. У нас отдельный Уровень, отдельные сотовые операторы. Один.

— Ясно.

— Так сколько, Вы думаете, может занять написание системы, о которой я попросил?

Логан, который уже мысленно прикинул объем работы и разбил его на шестнадцать составных частей, ответил без запинки:

— Около двух недель.

— Замечательно, просто замечательно! — «сутенер» лучился довольством. — А что с ценой?

И Эвертон точно так же без запинки, как и в случае с объемом работ, назвал заранее приготовленную в голове цифру.

Цифру, которая потрясла даже Кокса.

— Послушайте, давайте скинем хотя бы двадцать пять процентов? Три миллиона за проект? Я предоставлю Вам и жилье, и все условия, и питание, и развлечения на любой вкус.

— Три миллиона, — спокойно повторил Логан, — плюс все, о чем вы только что упомянули. Спокойная зона для работы, билеты на самолет, если они мне потребуются, и полный доступ к вашим серверам.

— К серверам-то, это понятно...

По лакированной поверхности стола нарочито долго колотили кончики пальцев с ухоженными ногтями. Плавно менялись на фотостене изображения — сначала городской пейзаж с высоты птичьего потела, затем белоснежный пляж, после дорогое авто на фоне заката.

— Может, сумеем договориться за два?

— Нет.

— За два с половиной?

Расставаться с деньгами Кокс не любил, однако Эвертон уже знал, какими средствами по-настоящему располагал сидящий напротив человек, — с утра взломал доступ ко всем его счетам, размялся.

— Ищите другого человека.

— Да нет другого человека! — вспыхнул «сутенер» и даже ударил кулаком по столу, отчего с подставки выпала и скатилась на пол золотая перьевая ручка.

Конечно, нет. Логан был единственным специалистом, способным программировать на языке Комиссии, и информаторы, которым Энтони накануне заплатил, уведомили его об этом. А к эмоциональным вспышкам Эвертон привык — его, как и других членов отряда специального назначения, обучали премудростям сохранения самообладания в эмоционально напряженных ситуациях, как обучали и рукопашному бою, владению ножом, стрельбе, быстрому восстановлению сил — много чему обучали.

— Простите, я не хотел сорваться, — Кокс уже всю мусолил губами незажженную сигару. — Хорошо, три миллиона, проживание, питание, развлечения и билеты на самолет.

— И еще коробка ваших самых лучших сигар.

Над столом прокатился хрипловатый хохот.

— А ты не промах, парень, не промах. Не хочешь стать лицом этого Города? Ты красив.

— Не хочу.

— Я так и думал.

Владелец роскошного кабинета, этажа, небоскреба и всего, что существовало на этом Уровне, улыбался, но только одними губами.

— Будут тебе сигары. Каковы условия оплаты?

— Пятьдесят процентов авансом. Далее выполнение работы, тестирование, отладка, завершение, сдача. После оставшиеся пятьдесят процентов.

— Понял. Еще что-нибудь?

— Да. Я хотел бы жить в зоне, где нет открытого интима.

— А зря, а зря... На твоём месте я бы погулял по улицам, расслабился. Глядишь, и девушку нашел бы себе по душе.

В ответ на это заявление brutальный программист улыбнулся настолько вежливо и саркастично, что Коксу захотелось его придушить.

* * *

Его поселили в роскошных апартаментах — просторных и по-своему (несмотря на обилие позолоты, картин и тяжелых портьер) уютных.

Логан не сетовал. Неторопливо обследовал комнаты в количестве трех штук — внушительную спальню с шелковыми гобеленами на стенах и шелковым бельем на двуспальной кровати, светлую гостиную, удобный и тихий кабинет с наличием стола, стула, множества розеток и сетевого кабеля, а так же кухню.

Холодильник к его приезду успели заполнить контейнерами с приготовленной едой и пивом. Отлично, Кокс держал обещания. Наличие микроволновки, стиральной машины и вылизанного до блеска санузла дополнили приятное впечатление от квартиры.

Что ж, здесь он сможет работать — ни лишних звуков, ни гостей, ни даже сотового. Отлично, заодно отдохнет и от Нордейла.

«Я бы на твоём месте прогулялся... Глядишь, нашлась бы девушка по душе...»

Эта фраза Эвертона до сих пор смешила.

Девушку. По душе. Несовместимое сочетание для места под название Город «X». Для тела? Без проблем, но уж точно не для души.

Должно быть, этот холёный урод в позолоченном костюме издевался. Или же потребности его сомнительной душонки соответствовали предложениям этого «Трах-Вегаса».

Словосочетание явилось в голову Логана автоматически — в прошлом его коллегата-телепортер неоднократно рассказывала о том, что в её родном мире существует некий город Лас-Вегас, куда излишне азартные люди приезжают исключительно для того, чтобы просадить на игровых автоматах деньги. Часто последние. Да-да, Лас-Вегас — так она его называла. А это «Трах-Вегас», куда озабоченные сексом люди приезжали для того, чтобы беспорядочно сношаться.

Эвертон поморщился, ещё раз огляделся и уселся на мягкий удобный диван. Наткнулся рукой на карту «Икса», принялся её рассматривать.

А карта, как ни странно, была выполнена на удивление хорошо — местный программист постарался, чтобы увеличение при сосредоточении глаза на определенной точке, становилось максимально проработанным. Привязал сканирование зрачка к координатам сетки, сделал непрерывное считывание... В общем, поработал на славу.

Итак, что в планах? Уж точно, не девушка.

— Что тут у нас? — синие глаза скользили по полю, расчерченному многочисленными секторами. — Зона грязевого лечения, зона раскрепощения, зона «девственниц», блок БДСМ, зоны минета, куннилингуса, «Охоты», «2+1», анала, brutалов, геев, «конкурсов», оргий... Господи, прости, куда я попал? — он сам не заметил, что вновь использовал фразу, изредка повторяемую Бернардой — коллегой по работе. — И этот хрен предложил мне найти девушку тут?

Да ни в жизнь. Если здесь кого-то и можно было найти, так это:

- Неудачниц в личной жизни, озабоченных недостатком секса.
- «Удачниц» в личной жизни, но озабоченных тем же самым и неспособных сказать об этом своему парню.
- Проблемных в общении девиц, не умеющих довести мужика даже до постели, не то, что до оргазма.
- Откровенных бл№дей и нимфоманок.
- Любительниц оргий и групповухи (которых Логан приравнивал к касте «не женщин»)
- Страшных внешне баб, которых никто не хотел ни до виски, ни после виски...

Мда. Невелик выбор. А взгляд, тем временем, скользил по карте, неспособный остановиться — уж больно занятными выглядели названия блоков: бань, гигиены, обычных кинотеатров и неких «минетеатров», «нежных», «Лица — нет», танцев, «Слепых свиданий», «Темноты», «Касаний», пляжей, вуайеристов...

— Создатель-милостивый, отдельно зона для вуайеристов? И даже зона «Комиссии»?

Это для тех, кто хотел бы трахнуть с человеком в серебристой форме? Эвертон не удивился бы, если бы узнал, что Кокс дорого заплатил за возможность скопировать и пошить точные аналоги костюмов людей правящей касты.

— Секс с псевдо-Дрейком, бл№ять? — он отложил карту и покачал головой. — Хорошо, что я не педик с дурными фантазиями.

* * *

«Подруга — это такой человек, который без спросу залезет к тебе в сумку, достанет шоколадку и тебя же ей угостит».

Олеся Т.

Нет, такого я еще никогда в жизни не видела. Ни близкого, ни даже похожего.

И если бы кто-то попросил меня написать сочинение на тему «Зона «Лица — нет»», я бы начала его словами: «Представьте себе плотную тряпку бежевого цвета, свисающую с потолка вертикально. Нет, сначала представьте просторный холл, а потом уже тряпку, разделяющую его на отделения «М» и «Ж». Так вот все «М» стоят за этой тряпкой, а их члены (уже почему-то вставшие — ласкают их мужики, что ли, перед этим?) просунуты в дырки — прорези на ткани. А в отделении «Ж» ходят разномастные голые бабы, которые разглядывают «хрены», опускаются возле понравившегося и начинают его сосать...»

За мое сочинение мне однозначно вклеили бы кол, но оно правдоподобно описало бы то, куда я попала в свой первый рабочий день.

У меня мозг плавился.

Сначала от того, что я никогда не видела так много торчащих из дырок (некоторые умудрялись просунуть их в отверстие вместе с яйцами) членов. Восемнадцать. Восемнадцать! Это означало, что восемнадцать мужчин явились сюда спозаранку, чтобы вставить «в дырку» и ждать того, кто клюнет.

Честное слово, я не верила, что клюнут.

Но «клевали».

Уже через пятнадцать минут после открытия холл заполнился женщинами всех возрастов, размеров и расцветок. И эти дамы теперь прохаживались мимо «портьеры» и внимательно изучали предложенный им «товар».

— Вода с газом, без газа, газировка, вино, шампанское, заказ на коктейли...

С расположением бара, откуда носить напитки, я уже определилась и теперь неторопливо рассекала холл с подносом в руках, ощущая, как моя кровь пузырится подобно шампанскому в мини-стаканах.

Члены подрагивали. Члены ждали того, кто опустится на колени (пол для этой цели был устлан мягкой тканью), лизнет, обхватит пальцами, примется ласкать.

Честно...

Я бы не поверила...

Но опускались и ласкали, причем жадно. Сосали, чмокали, вылизывали до блеска, втягивали в рот волосатые и бритые яйца; а из-за шторы стонали. И эти стоны навели меня на первую за все время мысль о том, что таблетку «антивоэбудина» все-таки стоило взять с собой. Вот стоило.

Самый левый, короткий, но очень толстый орган, начала обхаживать девица совершенно неприметной наружности — такую в обычном мире прозвали бы «моль». У «моли», как ни странно, несмотря невзрачную фигуру и почти полное отсутствие груди, оказался талант — мужик за шторой, кончив один раз, через несколько минут уже снова содрогался в сладких спазмах.

«Кто бы думал... волшебница минетов»

А ведь в обычном баре на нее бы даже не взглянули.

Сосали тетки молодые, сосали тетки старые на вид — те, кому едва ли светило до конца жизни облизнуть хоть какую-нибудь «сосиску», не говоря уже про «горячую молодую сосиску». Сосали женщины с тонной украшений — богачки, женщины без украшений — обычные, толстые, худые, непристойно-жирные, похожие на стиральные доски... Сюда приходили все, кто, как я поняла, либо стеснялся своей внешности, либо не хотел быть узнаваемой «супругом» или же коллегами по работе.

Почти все члены «работали», то есть были заняты.

Время от времени я заходила в зону «М» и рассматривала мужиков сзади:

— Вода с газом, вода без газа, шампанское...

— Воду.

— Шампанское...

— Газировку.

— Нет, спасибо... ах, как хорошо... детка, ты супер...

Моя кожа от таких фраз покрывалась пупырышками.

Тот, кто хотел пить, просто вытягивал назад руку и принимал стакан, не оборачиваясь. А уж когда кто-то рычал или стонал...

Я снова и снова думала про «антивоэбудин». Спроси меня кто-нибудь вчера, я бы ответила: «Не понадобится», — а теперь жалела, что не приняла заветную таблеточку заранее. Потому что все это завлекало: аура, вседозволенность, сладкие постанывания, причмокивания, написанное на лице женщин истинное удовольствие, сокращение мужских ягодиц во время эякуляции... Все это, в отличие от порно, было живым, настоящим, и оно в прямом смысле сносило с ног.

Уже к обеду я постоянно ловила себя на мысли о том, что и сама не прочь выбрать член

побольше и потолще — тугой такой, чистый, ароматный от мыла, — отложить поднос, присесть на колени и лизнуть... Ах! И отсутствие лица при этом больше возбуждало, нежели отталкивало. Потому что это был «просто член», «твой член» — делай, что хочешь.

М-м-м, здесь можно было оттачивать мастерство минета сутками.

Рай.

Поднос в моих руках подрагивал, прозрачные трусики сделались мокрыми, а перед глазами стоял добротный такой вставший орган «как надо» — с извилистыми венами, толстой бархатистой головкой, правильного размера... Как же это здорово, когда он вздрагивает под твоими пальцами, наливается еще сильнее, ласкает скользкой поверхностью язык и щеки изнутри...

Теперь я понимала этих женщин и уже вовсю мысленно чмокала вместе с ними.

«Черт, спустить бы где-нибудь пар, разрядиться».

На какой-нибудь член хотелось насадиться, чтобы помочь себе, ведь они были так близко, так доступно...

До конца рабочего дня оставалось еще четыре часа.

* * *

— Детка, давай, переключись в «зеленый» режим, мы только потрогаем.

Радка, нервно сглатывая, рассматривала стоящего перед ней нагого шатена-красавца — мощные плечи, рельефный пресс, полоска из темных волос уводила взгляд к самому красивому члену, который ей когда-либо доводилось видеть, — толстому, не слишком длинному, стоящему мачтой поверх шарообразных яичек. Не сдутых, как бывает, не пустому мешочку... Черт, ей бы самой такие потрогать — наверняка лягут в ладонь, как влитые...

А шатен во все глаза поедал ее грудь:

— Ну, какие сиськи... Малышка, хоть раз коснуться позволь...

Друг шатена — парень пониже и посветлее волосами, — уже в который раз обходил Радославу по кругу, рассматривал, словно породистую кобылку.

— А я бы попку помял...

И член у второго, между прочим, (как и лицо) — ну, на загляденье.

Черт, а ведь ей хотелось, чтобы ее потрогали. И вообще, зона «2+1» — мечта любой раскрепощенной девушки. Тут, пока один работает в «классической» позе, второй вполне может дополнить феерверк чувств ласковыми поглаживаниями, поцелуями, а то и всецело занять ротик мужским хозяйством, чтобы то не болталось, так сказать, «бесхозным».

— Детка, всего на минутку. Умру, если не потрогаю твои сисечки. Они же прекрасны — такие мячики, такие круглые, такие спелые...

— Да, давай, мы только потрогаем, — подначивал из-за спины второй.

Радка часто сглатывала и моргала.

Может, дать? Ну, потрогают, что с того?

А шатен был завлекательным. Всем. Не то, что Фредди, с которым она когда-то встречалась — стыдно вспомнить, чесслово. Нет, тот был отличным другом — веселым, умным, заботливым и надежным, — но, стоило их отношениям перерасти в нечто большее и дойти до постели, как Радка не знала, то ли начинать плакать, то ли смеяться. Член. Член Фредди был «мелкопызырным», что означало «он терялся в махре, когда висел», и «стоячий

был такого размера, каким должен был быть висячим». И смех, и грех. Помнится, она тогда чувствовала себя идиоткой, потому что никак не могла сообразить, когда начинать стонать — он уже в ней или еще нет?

В «Иксе» все было иначе: здесь не приходилось тратить время, деньги и нервы на бесполезные свидания, чтобы убедиться, что у кавалера «там» все в порядке. У двоих скакунов, обхаживающих ее по кругу, с «этим» все однозначно все было в полнейшем порядке.

И она решилась:

— Только на минутку!

— Да-да, на минутку...

Вроде бы напитки пока никому не нужны — она вот только «обнесла» публику и шампанским, и коктейлями, — и потому сам Создатель велел ей дать «зеленый свет».

— Но не вздумайте перейти к...

— Не беспокойся, — низким баритоном мурлыкал ухажер, ожидая нужного сигнала медальона. — Только то, на что согласишься сама.

И она переключила «амулет» — вдохнула, щелкнула переключателем и нырнула в чувственный дурман, как в парное молоко.

О-о-о, ее груди еще никогда так не ласкал — так нежно, чувственно, неспешно, умело. Их и гладили, и мяли, и «взвешивали», и сжимали.

— Я сососу?

Она кивнула на автомате, чувствуя, как ладони друга, тем временем, мнут ее ягодицы — раздвигают их, сжимают ладонями, трутся о них... о-о-о...

Радка чувствовала, что кончит от одних только поглаживаний. Ей тыкались пенисом в попку, ее твердые от возбуждения соски посасывали и покусывали так смачно, что она уже была готова сама притянуть шатена поближе и впихнуть «его» в скользкую себя...

Но тут кто-то поодаль попросил:

— Девушка, можно мне воды?

Эх, ах, черт... сука...

И пришлось вернуться к реальности:

— Мальчики, стойте, мне пора... я же на работе...

Они стонали так разочарованно, как не позволила себе стонать она сама.

Она сейчас, она быстро, она только вернется со стаканом воды, и они продолжат.

Но, когда Радка вернулась из бара, ее ненаглядная «парочка» уже жарко наяривала с двух сторон лежащую на шезлонге брюнетку.

— Тьфу на вас, кабели ненасытные.

Она отдала воду бородачу, тихо выругалась себе под нос и, делая вид, что прекрасно держится на ногах и вовсе не перевозбуждена, поплелась обратно к бару.

* * *

— Слушай, это точно она, зуб даю!

— Наша преподавательница по философии?

— Я те клянусь! Да я ж во сне ее видел!

Вихрастый и жирный очкарик, которому в «нормальном» мире, если и «перепало бы»,

то только с замухрышкой, лихорадочно блеснул глазами. Его друг — длинный, тощий и с впалой грудью — ухмылялся.

— Да ты ей уже год бредишь.

— Давай позвоним ей? Ее номер здесь три тысячи двести сорок один.

— И что скажем?

— Так и скажем, что готовы исполнить все ее самые потаенные желания. А она взамен даст мне в попку...

— А у меня пососет...

Очкарик, никого не стесняясь, дровичил прямо у ограды.

Я же слушала этот не предназначенный для моих ушей диалог, ожидая у обочины такси.

Мне срочно нужно было разрядиться. Срочно.

* * *

(Lykke Li — Get some)

В наши апартаменты я влетела одновременно с Радкой. Мы, как две сбрендившие молекулы, столкнулись сначала при входе в подъезд, затем при попытке протиснуться в квартиру, а после у двери в ванную комнату:

— Я первая! — пискнула я и буквально впрыгнула внутрь. Захлопнула дверь, быстро сдернула с себя трусики, включила воду, наспех отрегулировала температуру.

— Сучка ты! Мне тоже надо!

— Подождешь... Мне больше надо... — раздалось из-за двери.

— Мне! Больше!

— Ага... Тебе...

Я влезла в белоснежную ванну, легла на спину и развела в стороны ноги. Блаженно прикрыла глаза, когда почувствовала, как горячая струя бьет точно в клитор, зажмурилась от удовольствия...

Наконец-то... Наконец-то...

Перед глазами тут же всплыли все пересмотренные за день члены, а так же почему-то онанирующий у забора очкарик — черт, что за фантазии?

Чтобы кончить, мне потребовалось всего секунд двадцать — рекордная скорость.

У-у-ух, как хорошо... Просто потрясно, супер...

— Эй, ты скоро там?!

Пришлось вылезти и наскоро обтереться полотенцем. Дверным замком я щелкнула уже с расплывшейся на лице глупой улыбкой:

— Слушай, хорошо-то как...

Радка стояла в коридоре с красным от напряжения лицом и дилдо в руке — тем самым, которые, судя по лекции с диска, мы должны были продавать гостям города. Плюс пятьдесят баксов за одну продажу, между прочим.

— Как думаешь, его можно использовать?

— Можно, но минус пятьдесят баксов из зарплаты.

— Тьфу!

Радка бросила резиновый самотык ядовито-салатного цвета прямо в коридоре и

бульдозером протиснулась мимо меня в душевую. Защелкнулся замок, зашуршало; полилась из крана вода.

Слушая долетающие из ванной непристойные стоны и водружая на место в шкаф неиспользованную игрушку, я ухмылялась.

* * *

Спустя десять минут мы блаженно валялись на кроватях, расслаблялись и глазели в потолок:

— Смешно, да?

— Не смешно.

— Смешно... Если мы каждый день так будем...

— Вот и я про что. Надо срочно искать мужика для утех, либо трахаться, как и все.

— Или пить таблетки.

— Угу.

Проблема заключалась в том, что таблетки нужно было в чем-то таскать, а нам — разносчицам — из аксессуаров, полагались только часы-мобильник для связи, а так же мелкокалиберный ридикюль, в который могла влезть кредитка, блеск для губ и те самые таблетки. Придется его завтра взять-таки с собой и повесить на шею. От греха подальше.

— Шесть вечера. И мы только что закончили первый рабочий день.

Радка довольно хмыкнула. Разрядившись, она перестала быть похожа на готовую взорваться на мелкие кусочки стерву.

— Нежка...

— А-а-а?

— Мы только что заработали наши первые триста баксов.

Мы хихикали.

— Как думаешь, продержимся полгода?

Я на пару секунд задумалась, а после ухмыльнулась:

— Продержимся. Надо только привыкнуть.

— Может, и друг друга когда-нибудь тискать начнем?

— Ну, уж нет.

— Ну, че ты? Когда потребуется быстро разрядиться.

— Иди на фиг!

— Да я пошутила! — взвизгнула Радка, когда в нее с моей кровати полетела подушка.

* * *

(Blur — Song 2)

Он стучал по клавишам несколько часов кряду — работал. Пропустил обед, перекусил сэндвичами тогда, когда ропот желудка стал перекрывать гул вентилятора, окунулся в работу вновь. Оторвал взгляд от экрана, когда время ужина уже миновало, а за окном безвозвратно стемнело.

Пролетел день.

Логан узнал многое. Например: на каком алгоритме построена основная система считывания данных с пропускных сканеров на въезде в город, где хранилась клиентская база, выписал коды подключения к серверам. Продумал и то, как можно подстыковывать к старому коду новые блоки — в общем, славно поработал.

Долго, сидя на корточках перед холодильником, перебирал пластиковые контейнеры с едой — избрал курицу. Съел, не разогревая — холодную, с рисом и подливой. Открыл пиво, отхлебнул — говно.

Отставил бутылку, вышел на балкон.

Его апартаменты располагались почти в центре города, однако отделялись от шумных улиц полосой густо насаженных деревьев, сквозь листву которых теперь мерцали множественные огни неоновых вывесок. Здесь — почти тихо. Там — бурная ночная жизнь. Здесь можно сидеть, смотреть телевизор и не помнить о том, где ты, представлять спокойный отдых. А если смотреть сквозь листву...

Зачем они приезжали сюда, да еще в таком количестве? Что такого особенного, чего невозможно было найти на обычных Уровнях, влекло сюда тысячи людей? Тысячи. Ежедневно.

Может, он идиот? Может, чего-то не понимает? Всех этих «голых» зон, свободного разврата, съезда с катушек? Может, это как раз он, а не они, лишен некой важной части воображения и психовосприятия?

Зачем. Они. Сюда. Ехали?

Не за хорошим пивом, не за модной одеждой. За сексом. Который можно получить и в любом другом месте.

Эвертон задумчиво крутил в пальцах зубочистку, размышлял — да, он красив. Ему повезло внешне, а, соответственно, повезло и с количеством женщин, которые желали, если не его душу, то уж точно его тело. Возможно, дело именно в этом — в его пресыщенности? Нет, он не трахал все, что двигалось, — скорее, наоборот, ввиду бесконечности выбора, сделался придиричивым до занудства. Он хотел кого-то особенного. Очень особенного.

И еще хорошего пива.

Черт, а не сходить ли в город и посмотреть на все изнутри? Не попытаться ли еще раз понять, что именно, в отличие от сотен тысяч голозадых людей, рвущихся сюда, он упустил?

Ведь что-то упустил? Раз так шумны проспекты, раз так ярко светится неон.

Логан оделся, обулся, у дверей остановился. Ухмыльнулся, чувствуя себя идиотом, принялся раздеваться.

Дресс-код, ептить. Здесь принято ходить обнаженным.

Снял штаны, снял носки и рубашку, снял трусы. Какое-то время думал, куда положить ключи — в итоге повесил их на шнурке на шею и захлопнул дверь снаружи.

«Теплый ветер щекотал обнаженные муди...»

Фраза лучше на ум не шла.

Здесь, в отличие от привычного ему Нордейла, теплый ветер действительно щекотал все, что мог: курчавые волосы на лобке, спрятанную между ног мошонку, раскачивающийся при ходьбе член и подмышки.

Непривычно.

На него смотрели все, кто проходил мимо, — мужчины и женщины постарше, незрелые

юнцы, застенчивые до красных пятен на щеках девчонки. Рассматривали его рельефную (жим на двести — легко!) накачанную грудь, идеальный (шесть симметричных кубиков) пресс, крепкие (айда марафон?) ноги, сильные и округлые (на зависть всем хлюпикам) плечи.

И Эвертон смотрел в ответ: на стоячие круглые (силиконовые и нет) титьки, на отвисшие титьки, на приятные бедра, на отсутствующие бедра, на раздавшиеся вширь до неприличия бедра. На бритые и мшистые лобки, на разной длины члены, на многоцветные и монохромные татуировки и только потом на лица. А после — только на лица. Некоторые в масках, некоторые без.

И на всех, независимо от наличия ленты на глазах или ее отсутствия, читался восторг от полной свободы, от независимости, от некоей опостылевшей душевной тюрьмы...

«Вы же сами себя в нее садите».

Он, вероятно, был пристрастен. Им, человеком с идеально-мужественным и красивым лицом, любовалась вся женская часть отдыхающих. Но были и такие парни, которыми не любовались. И им приходилось привлекать дам другим — кому-то размером пениса, кому-то подвешенным языком, кому-то оставалось только смотреть вслед и капать слюной.

— Эй, красавчик, ты — класс!

— Пива попьем?

Ему подмигивали разномастные дамы. Он спокойно улыбался в ответ; свет его медальона алел.

— Эй, лапочка, переключись на зеленый, а?

Угу, сейчас...

Навстречу попадались и откровенно удачные девочки — с приятными фигурами, лицами, улыбками, голосами, — но он шел мимо, искал бар. Нет, ему не нужна просто девочка, пусть даже красивая. Ему нужна особенная — та, от которой снесет крышу. Именно так. Только так.

Магазины центрального проспекта работали круглосуточно, и в них продавали... нет, не одежду — для чего она здесь? В них продавали: униформы для ролевых игр, ювелирные украшения, сексуальные игрушки, духи с феромонами и даже специальную литературу — эротическую или обучающую искусству эротики. Забавно.

Магазины чередовались с многочисленными парикмахерскими, салонами тату и макияжа, кафетериями и продуктовыми подвальчиками. Бары обосновались, как ему указал один из прохожих, на соседней улице; Логан свернул.

В его голове все еще вертелся часто задаваемый самому себе вопрос: какая она, его будущая идеальная партнерша? Будучи программистом и, соответственно, человеком до крайности логичным, он мечтал испытать любовь вне логики. Ту самую, похожую на вирус, — безумную, страстную, до предела горячую и почти неадекватную. Таковую, познав которую, он ловил бы себя на том, что вдруг разучился писать строчки кода — он вдруг перестал хотеть бы их писать; — такую, чтобы почувствовал, что в целом мире без нее ему мало кислорода; такую, которая заставила бы его принять все недостатки будущей партнерши, превратив их в достоинства.

То есть *нереальную*, ибо Логан Эвертон сомневался, что когда-либо разучится или же расхочет писать код. И ни одна самая симпатичная особа в мире не сможет с ним этого сотворить.

Логика — она и есть логика.

Этот бар отличался от остальных.

В нем, если не считать привычной стойки, стульев, столиков и массы посетителей, в центре, раздвигая толпу в стороны, располагался невысокий помост. А на помосте «лоты». Нет, не аукционные, но «Купи-меня-и-делай-что-хочешь» люди. Самый левый круг, очерченный на полу белым, занимала полноватая женщина с пьяными глазами и зычным смехом — она продавала себя всего за доллар. Ей однозначно хотелось, чтобы с ней «чего-нибудь» сотворили. Правее расположилась очень тощая темноволосая дама, напоминающая худобой стиральную доску, — «доска» то задирала ноги, то наклонялась вперед и назад, демонстрирую свои прелести тем, кто стоял рядом.

Проходя мимо, Эвертон поморщился — «прелести» наверняка пахли. Хорошо, если мылом.

«Доска» продавалась за пятьдесят.

Далее шел похожий на байкера бородач за две сотни, следом «раб» в ошейнике за тысячу — ого, цены растут, — а дальше... А вот дальше, томно хлопая ресницами, стояла настоящая красавица.

С ценником в десять тысяч.

Логан, улыбаясь, остановился возле нее, сложил руки на груди, принялся рассматривать. Модель (а девчонка действительно выглядела, как аппетитная модель), увидев его, нежно прикусила нижнюю губу. Они понравились друг другу — так ей показалось.

Ей. Но не ему. Эвертон не изменил себе, остался программистом и здесь — он оценил отличный «дизайн» модели — нежную бархатистую грудь, розовые вишни сосков, плоский животик, длинные ноги и курчавый треугольник, но разочарованно ухмыльнулся «битому коду» в голове «лота».

Как можно продавать себя любому? Это проституция. Да, прекрасное личико, да, шелковые волосы. Но неужели все равно, кто именно купит тебя? Десять тысяч для него не деньги — за свою женщину он отдал бы и миллионы, — но на тело полюбовался. Позволил в ответ полюбоваться на свое, а после, чувствуя, как жжет спину разочарованный взгляд, отправился к бару. Занял стул рядом с золотистыми пивными кранами, заказал кружку «темного» и принялся наблюдать за покупками издалека.

О-о-о, она смотрела на него, да. Модель. Она звала его взглядом, изящно пританцовывала на месте, всем видом призывая: купи, ну, купи меня!

Он не покупал, он тянул ароматную пенную шапку и наслаждался терпким алкогольным вкусом — пиво оказалось очень неплохим.

Лот за десять тысяч несколько минут спустя купил некий волосатый «гамадрил» — низкий и широкий мужичара с коротким членом, но длинным и горбатым носом. Мужичара походил на злой и своенравный ковер — волосатые ноги, волосатые руки, грудь, задница и спина. Расплатившись кредиткой, он резко прошелся от бара до помоста, выдернул красотку из круга и приказал «пошли!».

«Давай, красотуля, обслужи его по полной», — ухмыльнулся Логан, провожая глазами даму, которая теперь жгла его полным ненависти взглядом — мол, я же тебя просила?!

Интересно, что он будет с ней делать?

Представлять не хотелось.

— Я тебя в этот круг не ставил, — негромко ответил ей синеглазый брюнет, пожал плечами и расслабленно отвернулся, чтобы продолжить смаковать пиво.

Это не ему сегодня всю ночь работать. За десять тысяч.

«Подруга — это человек, который вместе с тобой пойдёт до дома босиком, если ты сломала каблук».

Любовь А.

Ковер в нашей комнате отлично подходил для ступней, но для обнаженной спины казался слишком колючим. Однако упражнения на пресс мне делать было больше негде. Колени к груди — выдох, разгибания — вдох.

С непривычки я пыхла, как паровоз, а Радка, сидя в кресле, откровенно измывалась надо мной.

— Мы ж только позавтракали, а ты уже корячишься!

— А когда мне еще корячиться? После работы? Уже не захочу...

Согнулась, разогнулась — мышцы живота ныли. Блин, потом придется срочно в душ — потела я нисколько не меньше, чем пыхла.

Сквозь шторы били лучи утреннего солнца; на улице шумели тополя.

— У нас же на углу есть нормальный спортзал? Ну, записалась бы.

— Чтобы смотреть, как штангу жмут голые мужики? Или на турнике — член перед твоим лицом вверх-вниз. Прости, но я еще не готова к пробежкам на дорожке, тряся сиськами.

— Блин, тоже мне — тут все трясут титьками-письками.

— Ну, не на дорожке же...

— А чего такого? Руками придержишь...

— Чьими?

Еще три скручивания, следом пять подтягиваний к вертикально поднятым ногам. Почему-то именно этим утром я решила, что с плоским животом в нашей фирменной униформе я буду выглядеть лучше, чем с... мягким. В общем, меня заклинило. И потому, пока Радослава играла с салатovým дилдо, постукивая им себя по руке, как резиновой дубинкой, я усердно прокачивала косые мышцы.

— А ты чего, решила подзаработать? Вот зуб даю, — я не упустила возможности подколоть подругу в ответ, — что продавать здесь резиновые члены — все равно, что выдавать снег за диковинку пингвинам.

— Не веришь в мои способности? — тут же ухватила за словесную баталию Радка. — Вот и продам! Спорим?

Нет, спорт и хохот однозначно несовместимы.

— Да не продашь ты ни одного.

— А спорим? Вот что сегодня же продам их все!

— Четыре?

Мне даже расхотелось заниматься — уж больно забавная представилась картинка, в которой Радка пыталась убедить покупателей, что салатный искусственный «друг» куда лучше «друга» горячего и настоящего.

— Не продашь! Ладно бы ты сегодня работала в зоне лесбиянок или хотя бы геев. Ну, пусть в оргиях. Но ты ведь идешь на пляж! А там люди хотят одного — не обгореть на солнце

и мороженого. А тут ты со своими членами...

Зеленые глаза Радки под густо намазанными ресницами грозно прищурились, улыбка сложилась в кошачью усмешку:

— Короче так, Нежка, если продам — ты танцуешь кому-нибудь стриптиз.

— Запросто!

Накануне мы уже видела пару баров с кабинками для персонального стриптиза — прекрасное место: между тобой и клиентом стекло, никто руки не распустит.

— И поцелуешь его после выступления!

Она однозначно хотела меня «потопить». Не тут-то было:

— Да хоть в задницу.

— В губы!

— Ладно, поцелую, — легко согласилась я, уверенная, что целовать мне точно никого не придется. Пусть катится, пусть попробует убедить кого-нибудь в Городе «Икс», что им непременно требуются дополнительные резиновые хрены салатного оттенка, — одна только мысль об этом смешила меня, как ничто другое.

— Только, чур, не мухлевать!

— Это как?

— А так! Выбросишь «дилды» в урну, а мне скажешь, что продала.

— Ну, уж нет, — Радка набычилась. — Сказала, продам — значит, продам.

— Ловлю на слове.

Мы скрепили сделку рукопожатием. И пока эта пигалица не успела выпорхнуть с сигаретой на балкон, я бросила ей вслед:

— Только мужика, для которого я станцую стриптиз, буду выбирать я сама.

— Сама-сама...

— И не обязательно сегодня.

— У тебя три дня.

«Три дня — ой-ля-ля! Сначала продай...» — ликовала я мысленно.

* * *

Поразительно, но в Городе Разврата существовали совершенно «не развратные» зоны. Как, например, та, в которую я сегодня попала, — зону «лекций», где отношениям между мужчиной и женщиной обучали исключительно теоретически.

Любопытно. Просторный зал, ряды кресел, возвышение для оратора, микрофон. Высокая стеклянная перегородка — правый зал «женский», левый «мужской».

Напитки я подавала в оба.

Народа набилось прилично — пустовало лишь несколько мест; тщедушного мужичка на «сцене» слушали внимательно:

— Хорошие мои и милые, как вы думаете, что для мужчины важнее всего? Для любого мужчины.

— Самореализация? — спросил кто-то.

— Деньги?

— Большие сиськи?

— Ага, большой член, — пошутила низкорослая дамочка с заднего ряда, и по залу

прокатились разрозненные смешки.

Оратор покачал головой.

— Подвиги. Именно так — подвиги. И не важно, в какой сфере они будут заключаться, в какой области работы или творчества найдут проявление и применение. Любому мужчине хочется совершать подвиги. Но вдохновляет его на них именно женщина. Однако женщина не обычная, пусть даже красивая и умная, а женщина мудрая, женщина-муза — такая, которая умеет создать вокруг своего избранника правильную атмосферу. Согласитесь, у каждой представительницы прекрасного пола по два глаза, два уха, две руки и две груди. А вот задержаться хочется далеко не с каждой. И причина именно в этой самой уникальной атмосфере, которая помогает мужчине реализоваться.

— И как ее создать?

— Отличный, между прочим, вопрос...

Я вдруг обнаружила, что слушаю мужичка в очках с не меньшим интересом, нежели прибывшие сюда именно для этой цели дамы.

— Как? Довольно просто: не спорьте с мужчиной. Даже если он дурак.

Аудитория снова засмеялась.

— Я не оговорился, — кивнул очкастый, — любой мужчина боится споров. Любит изображать всезнающего человека на планете, вовлекать собеседников в «умные» и сложные рассуждения на разрозненные темы, но... не боится споров. И обожает, когда им восхищаются. Постоянно. Чем-то большим, чем-то маленьким, чем-то существенным и нет. От комплиментов мужчина цветет пуще женщины, хоть на первый взгляд это и кажется необычным. Мы ведь, кхм-кхм, — сильный пол...

Хм, какие полезные и ценные советы.

Тот, кто, завидев меня, желал получить напиток, молча поднимал вверх руку, и я передавала стакан ближайшему к краю человеку, чтобы тот передал дальше. Через полчаса, когда желающих попить не осталось, я с сожалением покинула «женский» зал, где продолжались рассуждения о том, как же все-таки создать эту таинственную атмосферу «подвигов», и переместилась в зал «мужской».

* * *

— ...женщины очень любят жаловаться. Думаете, им в этот момент требуется реальная мужская помощь или вмешательство?

— А разве нет?

— Именно, что далеко не всегда. Женщина — любая женщина — желает, чтобы ее выслушали и «поняли». То есть сказали: «Дорогая, надо же как!». Чтобы ее «услышали». Это первый момент. И второй, на котором мы, мужчины, спотыкаемся чаще всего, — это фраза: «Скажи, у нас когда-нибудь будет «дом/машина/шуба/поездка...» и так далее. Слышали такую?

— Слы-ы-ышали! — дружный заунывный хор.

«У-у-у, изверги. И что тут такого? Нормальная фраза...»

— Так вот, — оратором здесь был мужичок с бородой — дядька, внушающий уважение, несмотря на обнаженное тело (по большей части спрятанное за стойкой), — спокойно отвечайте «я постараюсь» или «я все для этого сделаю». Ибо женщина не просит, чтобы вы

обязательно построили или купили дом, а так же осыпали ее украшениями, она лишь просит заверения в том, что она для вас самая лучшая. И, поверьте, зная это — то, что вы ее поддерживаете, — она будет пребывать с вами и в горе, и в радости.

— Даже если не купишь дом?

— Даже так. Потому что она будет знать: у вас общие мечты и цели, у вас общее мышление. Ей это важнее, чем ваша реальная способность приобрести новое жилище. Нет, конечно, бывает и такой тип женщин, которым важнее всего кошелек, но мы сейчас не о них...

В «мужском» зале оказалось не менее интересно, чем в женском.

После прослушивания лекций дамы из правого зала и господ из левого собирались впервые в жизни встретиться лицом к лицу за длинным столом-транспортером, чтобы попытаться отыскать по «глазам напротив» свою судьбу.

Как любопытно! Мне однозначно здесь нравилось. Оказывается, зону «лекций» посещали состоятельные и серьезные люди, которые приезжали в «Икс» не за сексом, но за возможностью познакомиться и, если повезет, создать счастливую крепкую семью. Люди слишком стеснительные или же слишком занятые — все, как один, без масок.

— Ну, а теперь поговорим о моментах, которые убеждают мужчину в том, что его избранница его любит. Вам интересно?

И вновь «женский» зал.

Дамы одобрительно гудели.

Мне было интересно тоже. Как и то, удалось ли Радке продать хоть один резиновый член...

* * *

Спустя полтора часа непрерывного хождения по горячему песку, Радка была вынуждена признать, что сделку она, вероятно, продула.

И дело было вовсе не в том, что здесь, на полотенцах под жарким солнцем и под плеск волн, не занимались сексом, — занимались, — но в том, что «дилды» сюда не подходили по настроению. Вот как-то не клеились.

Нежные поглаживающие мужские руки клеились, а «игрушки» никак.

— Водички? Холодненькая. Может быть, резинового дружка? Очень хороший, между прочим...

Воду брали с удовольствием — с утра Радка сбегала к бару уже четыре раза, каждый раз заполняла поднос так плотно, что едва отрывала его от стойки. Заказывали и шампанское, и коктейли... но на предложенные искусственные члены качали головами.

Она понимала почему. Когда над тобой синее небо, когда плывут легкие, как перышки облака, когда кожу ласкает бриз, разве захочется кому-то возиться с игрушкой? Хочется купаться с партнером — живым и настоящим, — а после с ним же обниматься в шезлонге или на полотенце. Чувствовать, как в тебя втирают крем для загара, как массируют плечи, как ласково покусывают за мочку уха...

Жаль, что они не слышали об этом месте раньше. Приехали бы с Нежкой просто так — отдохнуть, поваляться. Здесь хорошо, наверное, валяться, когда не нужно с утра вскакивать на работу, — часа три на пляже, затем в ресторан, потом в киношку, потом на дискотеку. А с

утра и с похмелья — веселые и отдохнувшие — снова на пляж.

Радка завидовала отдыхающим и тихонько вздыхала.

В отдалении стоял шатер от солнца; она приблизилась к нему, чтобы снабдить напитками расположившихся под ним людей:

— Газировки, водички, сока?

Томная брюнетка смотрела сквозь солнцезащитные очки на волны — ее бронзовая от загара кожа лоснилась, как змеиная шкура. Красотка, сидя на высокой лавочке и разведя ноги в стороны, о чем-то размышляла, любовалась волнами — в этот момент ее о-о-очень медленно и нежно трахал обходительный жилистый мулат — придерживая член рукой, неторопливо вводил его внутрь, аккуратно выводил до самой головки, вводил вновь. Оба наслаждались процессом, тишиной, неким спокойствием во время занятия любовью.

Такой «любовью» Радка еще не занималась — чтобы между делом. Или, как бы это лучше сказать, — не занималась такой «размеренной» любовью, больше походившей на йогу.

«Дилды» здесь она даже не стала предлагать. Ушла из-под зонта молча.

Как и читающей книжку в мягкой обложке блондинке в шляпе, которую томно вылизывал ее ухажер, — удобно расположившись между ног, он без спешки наслаждался — водил язычком по бритым «губкам» и клитору — постанывал, причмокивал.

Радка засмотрелась.

— Хочешь так же?

Она вздрогнула, когда с слева раздался мягкий мужской голос. Обернулась; на большом квадратном полотенце, похожем по размеру на простынь, одиноко сидел крепкий мускулистый парень с черными вьющимися волосами и бездонными темными глазами с поволокой.

— Тебе понравится. Я умею.

Она сама не знала, как и почему согласилась. Но вдруг поддалась наваждению и чарующей пляжной атмосфере (ведь им можно, если недолго) — поставила поднос на песок, переключила медальон и легла туда, куда указывала мужская рука. Почувствовала тепло полотенца под спиной, расслабила усталые от постоянного проваливания в песок ступни, прикрыла глаза. Шумно втянула воздух, когда ощутила, как ее лизнули, — осторожно, прямо через ткань трусиков.

А еще через пару секунд трусики уже лежали рядом с подносом.

О-о-о, а незнакомец действительно умел — он вылизывал ее с непередаваемой нежностью, и наслаждался процессом несколько не меньше, чем тот, блондинкин, на которого она, Радка, повернув голову, смотрела сквозь полуприкрытые веки.

И тот поглядывал на нее — чужой ухажер. Это возбуждало.

Язычок над ее клитором порхал и напоминал бабочку, опыляющую цветок, — проделывал все вкусно, ласково, где нужно, достаточно настойчиво. Синело над головой небо; изредка проходили мимо люди — они смотрели на «любовников» с интересом и тлеющим в глазах жаром, и Радка вдруг разом осознала всю прелесть оргий — как здорово, если бы ее сейчас кто-нибудь помял за грудь или поцеловал, или...

Она кончила, не успев толком начать фантазировать, — сказались нахлынувшие бурным потоком незнакомые ощущения.

— М-м-м, вкусная... Встретимся еще?

От чужого, похожего на парус, полотенца, она уходила, глупо улыбаясь, едва не позабыв про лежащие у подноса трусики.

У бара она заказала «Полуденный бриз». Сделала передышку, уселась на высокую кожаную табуретку, поелозила на ней — промежность все еще пульсировала от недавних ласк. Попыталась привести голову в порядок, однако сделать этого не удавалось — на соседней табуретке восседала грудастая девушка с волосами по пояс, которую неспешно имел сзади высокий брюнет. Он вставлял свой блестящий от влаги член не то ей в киску, не то в попку и, кажется, смотрел в экран того же сотового, что и дама.

«Снова секс между делом». Радка вдруг подумала, что что-то в этом есть — когда не специально, не после ужина при свечах и в закрытой спальне, а вот так... Она читает, пьет коктейль или говорит по телефону, а он дрючит ее качественно и размеренно.

Кажется, она сейчас вспыхнет еще раз. Или же попросит первого проходящего мимо мужика ее «подрючить».

Пришлось отвернуться в сторону; бармен подмигивал и усмехался.

Радослава краснела.

И обрадовалась, когда справа уселась вдруг незнакомая ей коллега по работе — черноволосая и невысокая разносчица напитков.

— Отдыхаешь?

Видимо, завернула с соседнего пляжа.

— Ага.

— А члены с собой зачем носишь?

— Поспорила с подругой с утра. Что продам.

— Тут не продашь.

— Я уже поняла. Жалко, проиграю.

Ее соседка задумчиво прищурилась:

— Хм, может, и не проиграешь.

— С чего?

Бармен принес слоеный коктейль — зелено-голубой, с ананасовой долькой и зонтиком сверху. Терпкий и удивительно вкусный.

— А у меня как раз подруга сегодня работает в зоне «обучения».

— Обучения чему?

— Минетам!

Чернявая засмеялась.

— Вот там ты легко продашь свои членики. А я как раз хотела вместе с ней сегодня работать на территории — не дали. Хочешь подмениться? Если согласишься, я ей позвоню. И тебе, и ей — дело.

Радка, которая к полудню успела устать от жары, песка и невозможности залечь на каком-нибудь махровом полотенце до конца рабочего дня, энергично кивнула.

— Звони.

Ее соседка тут же поднесла браслет на запястье ко рту, назвала кодовый номер и нажала «ВЫЗОВ».

Высокие деревянные двери. Посетительницы входили в них по-разному: кто-то крадучись, кто-то втянув голову в плечи и озираясь. Кто-то уверенно и даже высокомерно — а-ля «я ничего не стесняюсь». Но почти все в масках.

«Девственницы, что ли?»

Наверное, все приличные, с хорошей работой, уважаемые. А минет делать никто не научил — вот и прут...

Желающие перли с периодичностью одна в пять-десять минут — временным разбросом достаточным для того, чтобы, успев уболтать одну, Радка уже «окучивала» другую:

— Качество — люкс. Размер средний — самый частый. Такому, когда будут показывать «кольца», не нужна дополнительная смазка. Новый, ни разу не использованный.

Про эти самые «кольца» ей когда-то рассказывала давняя подруга — мол, мужикам нравится, когда пальцы обеих рук складываешь колечками и возишь ими по стволу вверх-вниз наряду с облизыванием, — кончают за минуту, «проверено». И сейчас Радка искренне надеялась, что этим самым «кольцам» за высокими дверями тоже обучают.

— А разве там не выдают?

— Даже если и выдают, у вас уже будет свой, чтобы потом и дома тренироваться. Ведь вы же можете не захотеть переходить сразу на реальный объект?

Радка цвела и «пахла», Радка была певучей и многословной, она толкала «дилды» так самозабвенно, что, будь на месте этих «тихонь», купила бы один сама.

И тихони покупали.

Первый «хрен» ушел длинноногой шатенке с лошадиным лицом, второй приземистой пышке с вьющимися волосами, третий — даме постарше, которая убеждала Радку, что берет не для себя, для «подруги» — конечно-конечно... Четвертый — женщине холеной, но резкой и, как видно, постоянно занятой — наверное, директорше какого-нибудь предприятия, супруг которой желал время от времени получить качественную ласку ртом.

Всего за тридцать минут Радослава выиграла спор, после чего довольно вплыла за двери, чтобы приступить к своим основным обязанностям, а заодно подучиться искусству супер-«сосания». День однозначно задался!

* * *

«... Дом для мужчины — это не место очередной битвы, склок или же споров. Дом — это тихая гавань, и создает эту гавань женщина. Своим мирным настроением, улыбками, добротой и лаской. Думаете, мужчина не может сам приготовить ужин — разбить на сковороду пару яиц или же сварить лапшу? Удивитесь — может! И при том, что его вторая половина вовсе не обязана стирать, прибирать и готовить, любой мужчина видит в этом исключительно проявление заботы. Погладьте для него пару рубашек, повесьте на стул, и он обязательно почувствует, что нужен и любим. Вот так все просто...»

Я купила диск, не удержалась, уж очень полезными мне показались сведения. И теперь, в ожидании прихода Радки, я сидела в кресле, пила минералку и с удовольствием прислушивалась к знакомому и спокойному голосу «оратора».

Дом. Интересно, когда-нибудь я смогу применить эти знания в жизни? Создать для кого-то особенного этот самый дом и «гавань», смогу сотворить атмосферу для подвигов? Если честно — хотелось. Еще свежи были в памяти картинки, когда женщины и мужчины с

любопытством смотрели друг на друга за длинным столом, как пытались почувствовать «свое», как у некоторых это как будто получилось... Эх.

«Мужчина силен физически. Бесспорно. Практически любой мужчина всегда опередит женщину, когда это касается физической выносливости, однако любая женщина победит даже самого выносливого мужчину словом. Вас это удивляет? Просто примите как факт. Да, мы умеем махать мечами, стрелять из ружей, пускать стрелы из лука, но мы, как никто другой, хрупки и чувствительны перед словом. Не ругайте нас, не критикуйте и не сравнивайте — даже если это сравнение с нами самими прежними и начинается оно словами: «Дорогой, а раньше ты был...» Мы есть сейчас. Такие, какие есть. Возможно, в силу обстоятельств удрученные или погруженные в заботы, менее улыбочивые, более беспокойные. Но у вас всегда есть для нас лекарство, это — ваша доброта. Обнимите, прижмитесь и скажите, что мы для вас самые лучшие, и поверьте, подвиги нам захочется совершать вновь...»

Хлопнула входная дверь, ввалилась довольная Радка. Сбросила каблуки, прошлепала в ванную:

— Нежка, у меня отличные новости!

— Я тут диск слушаю.

— Какой?

— Про то, что требуется мужчинам, — тебе бы тоже было полезно.

— А я знаю, что нужно мужчинам, — хороший минет. Кстати, я сегодня научилась!

Десятью минутами позже.

— И что, ты что... правда «дала» ему?

— Ага!

— Ну, ты, блин... даешь!

Диск пришлось отключить. Радослава «поведывала» о своих приключениях на пляже.

— Просто мозг надо отключать, Нежка, понимаешь? Это и есть секрет этого Города: здесь можно и нужно поддаваться инстинктам — не думать, кто именно гладит тебя за титьки или вылизывает, а иначе можно свихнуться от размышлений «а что это за чувак? Как зовут? А ему нравится». Для меня там было «просто полотенце», «просто чувак» и «просто наслаждение». И это был самый настоящий кайф!

Я не знала, смущаться или завидовать. Сама я пока никак не могла решиться отключить мозг и отдаться во власть инстинктам.

— А как же эмоциональная связь?

— Да не нужна она тут! Нафига портить себе впечатления излишними требованиями? Кстати, ты проиграла сегодняшней спор, знаешь?

[Купить полную версию книги](#)